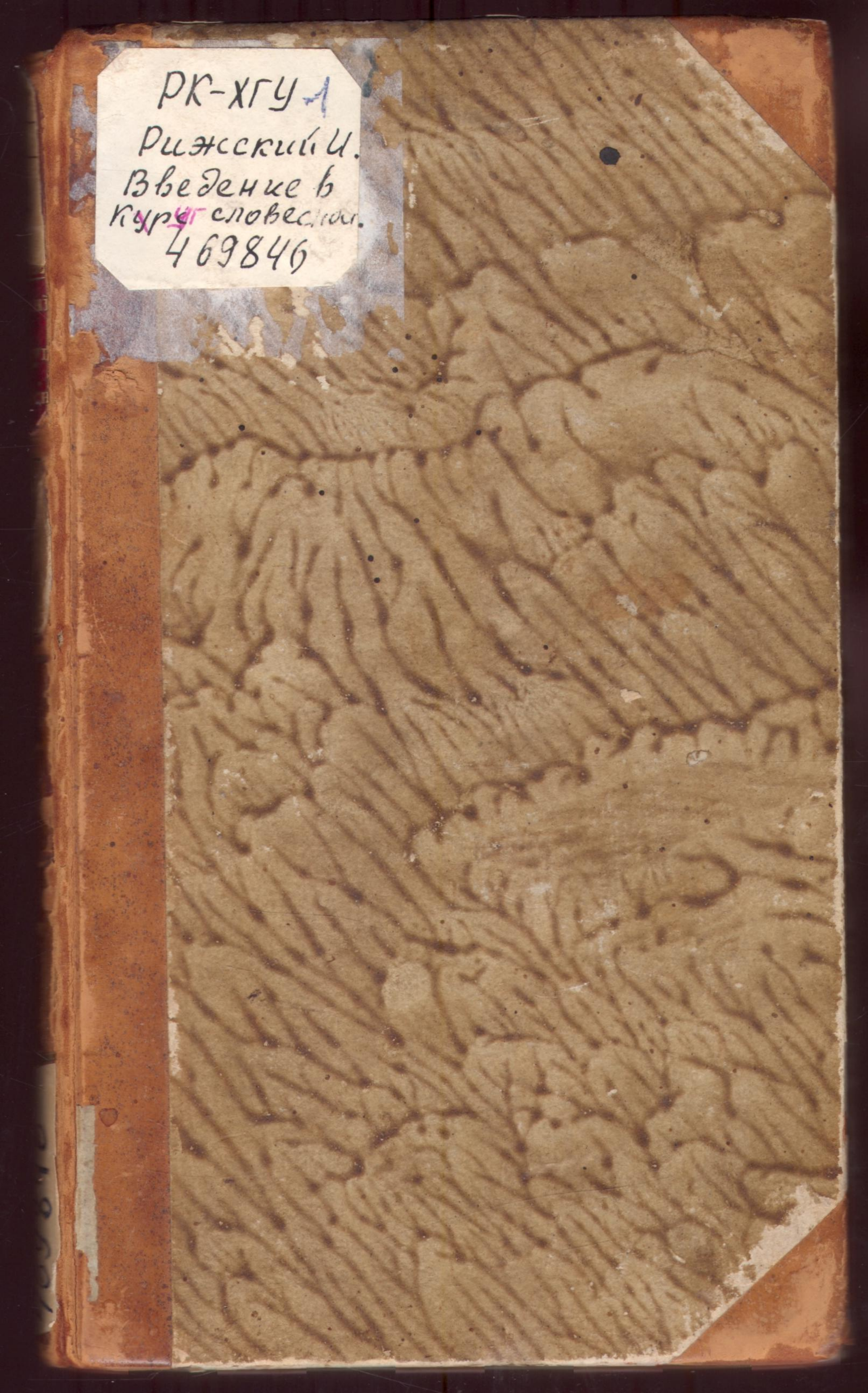
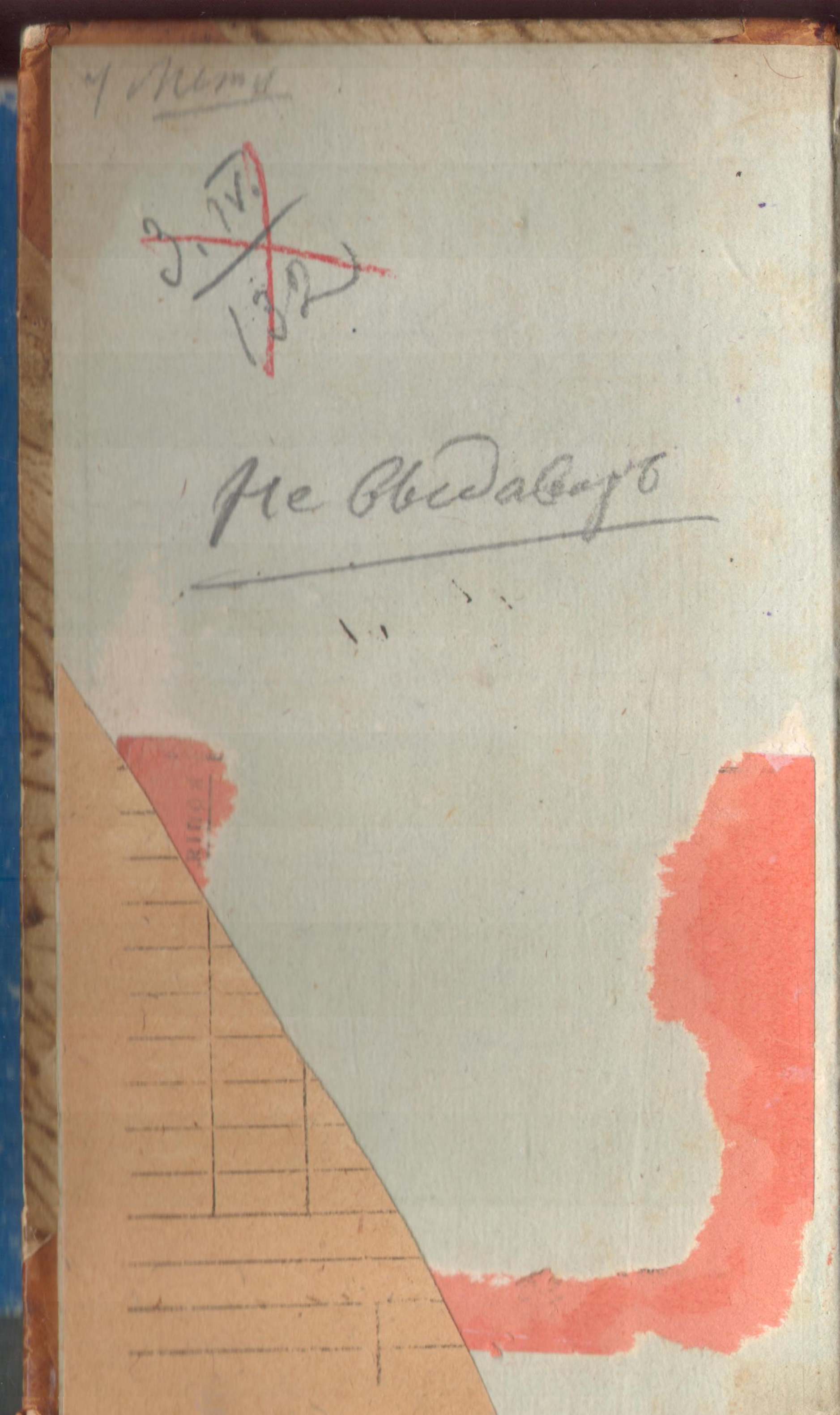

РК-ХГУ 1
Рижский И.
Введение в
курс словесн.
469846

Введен
въ круг
Словесн

Не выдавать

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ КРУГЪ

СЛОВЕСНОСТИ,

сочиненное

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ, и служившее руководствомъ бывшихъ въ ономъ 1805го года публичныхъ чтеній, предшествовавшихъ наукѣ краснорѣчія.

ВЪ ХАРЬКОВѢ,
въ Университетской Типографіи.
1806 года.

Съ одобренія цензурнаго Комитета учрежденнаго для округа Императорскаго Харьковскаго Университета.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

И САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ

АЛЕКСАНДРУ I.

Высочайшему Покровителю
Наукъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Щастливое потомство, которому опредѣлено Промысломъ узрѣть величественное въ полной мѣрѣ исполненіе священныхъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА *предпріятій, со славою отличныхъ дѣяній соединитъ славу просвѣщенія въ рожденномъ къ величію Россіанинѣ, со благоговѣніемъ повѣдаетъ и свое блаженство, и* АВГУСТѢЙШАГО ВИНОВНИКА *онаго. Бытописанія и памятники предадутъ вѣчности безсмертное имя* АЛЕКСАНДРА I.

Между тѣмъ современникъ сихъ именитыхъ начинаній, въ упоеніи восторга предвидящій благотворное ихъ событіе, не ужели долженъ пребыть токмо изумленнымъ и остаться безмолвнымъ?

Исполненный сихъ святѣйшихъ чувствованій, приемлю смѣлость всеподданнѣйше изъявить оныя симъ ничтожнымъ приношеніемъ слабаго первенца, получившаго бытіе во святилищѣ наукъ, богоподобными

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА щедротами основанномъ на югѣ Россіи.

Всемилостивѣйшій Государь!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданнѣйшій

Иванъ Рижскій.

ВВЕДЕНІЕ
въ кругъ
СЛОВЕСНОСТИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
объ
ИЗЯЩНЫХЪ НАУКАХЪ.

§ 1.

Общее понятіе о произхожденіи наукъ.

Дарованія и склонности человѣка, оставаяся въ томъ состояніи, въ какомъ онъ получаетъ ихъ изъ рукъ природы, не токмо не достаточны для того, чтобы сдѣлать его щастливымъ, но даже отводятъ его иногда отъ сей цѣли его бытія. Первый шагъ, сдѣланный за предѣлы сего состоянія, состоитъ въ томъ, что примѣченъ сей недостатокъ; а вторый, весьма

трудный, долговременный и раздѣляющійся на многіе періоды, что съискиваемы были средства усовершить природныя дарованія, а вмѣстѣ и естественное состояніе человѣка. Тотъ и другой подвигъ былъ произведеніемъ людей одаренныхъ отличнымъ умомъ и высшей степени самолюбіемъ. Сіи качества служили имъ побужденіемъ вникать во все, что имѣетъ втеченіе въ состояніе человѣка. Такимъ образомъ родилося множество частныхъ опытовъ и наблюденій, изъ сличенія коихъ выведены общія истинны. Сіи послѣднія не имѣли съ начала ни какаго порядка, тѣмъ менѣе связи; но послѣ другими острумнѣйшими людьми раздѣлены на разныя отдѣленія, сообразно разнымъ родамъ вещей, до которыхъ онѣ касаются. Изъ каждаго такаго отдѣленія общихъ истиннъ произошла особенная наука (scientia, science).

§ 2.

О чувствительности, изящномъ, вкусѣ, и Естетикѣ.

Кромѣ дарованій, которыя даны человѣку для приобрѣтенія познанія, онъ имѣетъ еще такую врожденную

способность, отъ удовлетворенія коей зависитъ внутреннее и существенное его благосостояніе. Сія способность есть чувствительность души, то есть, природное оной расположеніе ощущать удовольствія и наслажденія. Предметы, которые бываютъ причиною ихъ, должны быть преимущественно совершенны каждый въ своемъ родѣ. Все, что въ такой степени совершенно, что сильно дѣйствуетъ на чувствительность, и, какъ говоритъ Жерардъ, совершенно занимаетъ собою душу, останавливая прочія ея упражненія, называется изящнымъ (beau), или изящною природою (belle nature). Когда оно бываетъ въ вещественныхъ произведеніяхъ естества; то называется существеннымъ (réel), или чувственнымъ; когда же въ произведеніяхъ ума или нравственности человѣка, умственнымъ (idéal) и нравственнымъ (moral). Живое изображеніе чувственнаго, или какъ умственнаго, такъ и нравственнаго изящества, называется изящнымъ подражанія (beau de l'imitation). Оно бываетъ даже тогда, когда не токмо самые обыкновенные, но самые низкіе и отвратительные предметы будутъ из-

ображены съ точнѣйшею вѣрностію. Способность ощущать скоро и правильно впечатлѣнія, производимыя въ душѣ изящнымъ всякаго рода, есть вкусъ; а наука, которая изъясняетъ существо изящнаго и вкуса, называется Естетикою.

§ 3.

О произхожденіи и сущности изящныхъ художествъ и наукъ.

Способность чувствовать впечатлѣнія изящнаго необходима для успѣха въ изящныхъ наукахъ, но она не составляетъ еще самаго успѣха. Разобрать (analyser) подлинникъ, которому хотимъ подражать, не есть самое подражаніе. Точно такъ успѣхи въ изящныхъ наукахъ состоятъ въ нѣкоторомъ исполненіи (praxi), то есть, въ искуствѣ собственныя чувствованія, произведенныя изящнымъ, родить въ душѣ другаго. Когда изящное и производимыя имъ впечатлѣнія бываютъ изображаемы какими нибудь другими, кромѣ словъ, средствами, на примѣръ, красками, образованіемъ металла, мрамора, звуками человѣческими, или какихъ либо орудій, и проч. то сего ро-

да искусства называются изящными художествами (beaux arts); когда же посредствомъ слова, изящными, или словесными, науками (belles lettres). И такъ изящныя художества и науки, будучи различны между собою въ разсужденіи только способовъ, какими тѣ и другія выражаютъ изящную природу, во всемъ прочемъ сходствуютъ. У нихъ одинъ подлинникъ, то есть, изящное; и одна цѣль, то есть, живо изобразить оное. По сей причинѣ какъ художественныя произведенія могутъ быть източникомъ, изъ котораго изящныя науки могутъ почерпать свое богатство, такъ и обратно. Пусть выразитъ музыка описаніе пѣнія соловья, извѣстное всѣмъ произведеніе Г. Ломоносова: различіе будетъ только въ томъ, что у Г. Ломоносова употреблены къ сему слова, а у музыканта звуки орудія.

§ 4.

О втеченіи другихъ наукъ въ изящныя.

Чѣмъ яснѣе и подробнѣе представляемъ себѣ изящное какаго нибудь рода, тѣмъ сильнѣе бываютъ въ насъ его

впечатлѣнія, и слѣдственно тѣмъ живѣе можемъ изобразить его словомъ. Но чтобы войти во всю подробность какаго нибудь изящества; чтобы представить раздѣльно части онаго, ихъ соотвѣтствіе, соразмѣрность, связь, общую и частныя цѣли; весьма часто необходимо бываетъ вспомоществованіе другихъ наукъ, занимающихся тѣмъ родомъ вещей, къ которому принадлежитъ изящное. Какимъ образомъ изъясните вы себѣ и другому удивительную картину того дѣйствія, какое производятъ въ нашемъ глазѣ лучи свѣта; естьли не прибѣгнете для изтолкованія сего явленія къ Оптикѣ и Анатоміи? Отъ того сладость словесности какъ бы разтворяется, и приправляется понятіями и истиннами, принадлежащими другимъ, особливо Философскимъ наукамъ, и придающими произведеніямъ словесности нѣкоторый мужественный видъ. Съ другой стороны не прерывное занятіе чувствительности дѣлается скучнымъ, поелику единообразно; тягостнымъ, поелику своею живостію утомляетъ духъ. А по сему перемѣна упражненій пріятна; и при томъ тѣмъ болѣе, что она удовлетворяетъ врожденному нашему любопытству;

то есть, не побѣдимому желанію нашей души видѣть себя въ кругѣ новыхъ обстоятельствъ.

§ 5.

О втеченіи словесныхъ наукъ въ другія.

Словесность со своей стороны есть языкъ, и при томъ привлекательный, прочихъ наукъ. Отвлеченныя и высокія истинны, преподаваемыя послѣдними, дѣлаются наконецъ тягостными и скучными, по причинѣ великаго, какаго онѣ требуютъ, напряженія мыслей. Тогда польза, которую обѣщаетъ познаніе ихъ, начинаетъ терять у насъ свою цѣну. Словесность приходитъ въ помощь: она къ побужденію пользы придаетъ побужденіе удовольствія, изображая своимъ образомъ произведенія высокаго ума: и тогда мы вооружаемся противу всякаго препятствія. Словесность дѣлаетъ еще болѣе: она единственно сохраняетъ и предаетъ вѣчности успѣхи другихъ наукъ. Кто зналъ бы нынѣ о мореплаваніяхъ Финикіанъ, о изобрѣтеніяхъ Архимеда; естьли бы словесность древнихъ Грековъ о томъ умолчала?

§ 6.

Сличеніе другихъ наукъ съ изящными.

Сличимъ теперь прочія науки съ изящными. Первыя имѣютъ предметомъ изслѣдованія все, что есть во вселенной; послѣднія одну изящную природу: первыя часто внушаютъ человѣку, что онъ въ мірѣ есть нѣчто величественное, когда онъ посредствомъ ихъ, измѣряетъ небеса и теченіе свѣтилъ, возносится на высоту воздуха, и проницаетъ во внутренности первородныхъ горъ и земли; послѣднія, доставляя намъ удовольствія, тѣмъ самимъ удовлетворяютъ врожденному самолюбію нашему, и слѣдственно одной изъ необходимостей нашего благосостоянія: онѣ, совершенно исполняя душу восторгами, преселяютъ, такъ сказать, чувство нашего бытія въ тѣ наслажденія, какія намъ приносятъ. Прочія науки въ своихъ заключеніяхъ бываютъ иногда сами съ собою не согласны, отъ вліянія частныхъ предразсудковъ и разнаго способа умствованія; изящныя въ своемъ существѣ всегда и вездѣ одинаковы; отъ того что

ихъ подлинникъ, то есть, изящное, никогда и нигдѣ не измѣняется. Гомеръ и Виргилій суть стихотворцы всѣхъ вѣковъ и народовъ; Демосѳенъ и Цицеронъ такаго же рода витіи. Частныя и временныя заблужденія вкуса суть изключенія, не заслуживающія большаго вниманія. Наконецъ, произведенія прочихъ наукъ, то есть, отличныхъ умомъ, при всемъ ихъ высокомъ достоинствѣ, занимаютъ собою малое число такихъ же умовъ; поелику однимъ имъ бываютъ понятны. Невтоновы вычисленія возхищаютъ однихъ Невтоновъ; Моцартовы творенія однихъ Моцартовъ. Напротивъ сего творенія словесности, особливо писанныя въ златомъ вѣкѣ языка къ тому употребленнаго, находятся въ рукахъ всѣхъ, кто токмо имѣетъ склонность къ упражненіямъ ума; поелику удобопонятны всѣмъ.

§ 7.

О втеченіи изящныхъ наукъ во нравы.

Драгоцѣннѣе всего тѣ впечатлѣнія, которыя дѣлаютъ во нравахъ из-

ящныя науки. Навыкъ, приобрѣтаемый упражненіемъ въ нихъ, живо чувствовать, дѣлаетъ человѣка чувствительнымъ, сострадательнымъ къ ближнему, и слѣдственно благотворительнымъ: наслажденія, какія онъ находитъ въ созерцаніи порядка природы, раждаютъ въ немъ желаніе соблюдать порядокъ въ собственныхъ дѣяніяхъ: проницающій душу возторгъ, производимый высокою добродѣтелію другаго, возпламеняетъ его самолюбіе, и заставляетъ его желать быть самому подобнымъ образцемъ для другихъ: хладъ, разливаемый во всѣхъ его жилахъ не обыкновеннымъ порокомъ другаго, рождаетъ въ немъ мучительное отвращеніе къ собственнымъ порокамъ, естьли онъ ихъ имѣетъ: нѣжность чувствованія, содѣлавшаяся не измѣняемымъ качествомъ его души, заставляетъ его ненавидѣть всякій жестокій, грубый, оскорбляющій ближняго поступокъ; иначе человѣкъ, при всѣхъ отличныхъ успѣхахъ въ изящныхъ науках, развращенный, не чувствительный, и даже жестокосердый, противорѣчилъ бы самъ себѣ.

§ 8.

О втеченіи изящныхъ наукъ въ первоначальныя познанія и въ дарованія.

Изящныя науки имѣютъ также благодѣтельное вліяніе на первоначальный ходъ познанія и дарованій младаго человѣка. Онѣ раздробляютъ въ его умѣ понятія, которыя безъ того бываютъ по большой части слитны; онѣ не чувствительно распространяютъ оныхъ кругъ, который безъ ихъ помощи обыкновенно бываетъ весьма тѣсенъ; онѣ сообщаютъ ему понятія важнѣйшія и полезнѣйшія, вмѣсто обыкновенныхъ и ничего не значащихъ, какія онъ имѣетъ; онѣ, такъ сказать, дополняютъ и довершаютъ начатыя только, но часто не доконченныя, и дѣлаютъ точными и основательными поверхностныя его свѣденія; онѣ наконецъ сообщаютъ дарованіямъ дѣятельность и отличную способность къ занятіямъ, соотвѣтствующимъ каждому изъ оныхъ; воображенію, не рѣдко томному, пылкость и живость; памяти оборотливость, вниманію замѣчательность, разуму острому, разсужденію основа-

тельность, уму дальновидность; не говоря о томъ, что онѣ приводятъ человѣка въ состояніе изъяснять свои мысли всегда безъ затрудненія, точно и пріятно, что необходимо во всѣхъ родахъ службы, въ свѣтскомъ обращеніи, и другихъ многочисленныхъ отношеніяхъ, неизбѣжныхъ въ общежитіи.

§ 9.

О втеченіи изящныхъ наукъ во вкусъ вообще.

Другое еще изящныхъ наукъ благодѣяніе есть то, что онѣ образуя и изощряя вкусъ, распространяютъ его втеченіе во всѣ другія упражненія, имѣющія своимъ основаніемъ оный; въ занятія ума, во нравственныя дѣянія, въ образъ и пріятности жизни, въ цѣль воспитанія, и проч. Ибо не естественно, чтобы сердце, приученное оными науками чувствовать въ полной мѣрѣ изящество предметовъ, коими онѣ занимаются, могло терпѣливо сносить несовершенства и безпорядокъ во всемъ, что собственно до него касается.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
О
ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ СЛОВѢ.

§ 10.

О качествахъ слова, занимающихъ Философа.

Дарованіе слова, будучи орудіемъ изящныхъ наукъ и вмѣстѣ отголоскомъ мыслящей и чувствующей души, занимаетъ собою не менѣе витію, сколько и Философа. Тотъ находитъ въ немъ столько красиваго и пріятнаго, что посредствомъ его повелѣваетъ душею другаго; сей столько изящнаго и удивительнаго, что чѣмъ болѣе вникаетъ, тѣмъ болѣе поражается его умъ. Можетъ ли онъ, на примѣръ, безъ восторга представить себѣ съ одной стороны хитрое устроеніе орудія слова, съ другой отличное предназначеніе, безконечныя и безцѣнныя онаго пользы? Коль разнородны чле-

ны, составляющіе сіе орудіе! Коль различнымъ въ разсужденіи образованія 1) и степени напряженія, 2) но въ тоже время коль единообразнымъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, при всей не постижимой скорости, съ какою мы говоримъ, оно дѣлаетъ движеніе изходящаго изъ насъ воздуха, рождая чрезъ то разнообразные звуки, сіи не раздѣлимыя части нашего слова! Кто изъяснитъ намъ оную таинственную связь между словомъ и мыслію, посредствомъ которой оно, будучи само нѣчто вещественное, дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ такими же измѣненія нашей души, толь сокрытыя отъ чувствъ, толь удаленныя отъ

---

1) *Иной издаваемый человѣкомъ звукъ есть подобіе свиста,* (с. з.); *иной шипенія,* (ш.); *иной тупаго,* (т.), *другой яркаго и разительнаго звука,* (р.), *и проч. О семъ подробнѣе сказано будетъ еще ниже.*

2) *На семъ основано раздѣленіе буквъ, то есть, звуковъ, производимыхъ однимъ членомъ орудія слова, на мягкія и твердыя, на примѣръ,* **Б** *и* **П**: **Д** *и* **Т**: **С** *и* **З**: *и проч.*

всего вещественнаго, и толь мало нами постижимыя, что для изображенія ихъ по сіе время мы не имѣемъ еще собственныхъ словъ? Съ другой стороны высочайшимъ Умомъ предопредѣлено, дабы дарованіе слова между прочимъ было чертою между всѣми животными и человѣкомъ; было однимъ изъ самыхъ необходимыхъ орудій взаимныхъ связей, составляющихъ общежитіе, наукъ и познаній, благотворящихъ нашему бытію, пріятностей жизни, доведенныхъ до толикаго множества, что остается токмо нашему вкусу избирать изъ нихъ изящнѣйшія. Безъ сей удивительной способности человѣкъ не имѣлъ бы толь удобнаго способа сообщать подобнымъ себѣ безчисленныя понятія и соображенія; и такимъ образомъ будучи лишенъ средствъ, какъ раздѣлять съ умами другихъ то, что онъ самъ могъ постигнуть, такъ и присвоять себѣ то, до чего дошли проницательность и тщаніе другихъ; слѣдственно будучи единственнымъ началомъ и предѣломъ всѣхъ своихъ познаній, оставался бы всегда съ сей стороны младенцемъ, и посреди многочисленнаго общества жилъ бы въ состояніи, такъ сказать, единачества.

3) Между тѣмъ коль восхитительныхъ мы были бы лишены наслажденій жизни, или лучше сказать, коль не изьяснимому подлежали бы часто томленію, не имѣя средства переливать въ сердце другаго свои приятныя и огорчительныя чувствія, и открывать по произволенію свои намѣренія и желанія! 4)

§ 11.

О качествахъ слова занимающихъ витію.

Толь великая необходимость, какую мы имѣемъ во всѣхъ отноше-

---

3) *Не будь, говоритъ Дидеротъ, двухъ постановленій, изъ коихъ однимъ наши понятія соединены со словами, а другимъ слова съ лисменами; то бы все оставалося сокровеннымъ, и умирало внутри человѣка.*

4) *Естьли бы человѣкъ, говоритъ Абатъ Сикаръ, не имѣлъ способности представлять въ умѣ окружающіе его предметы; то для него все бы равно было, существуютъ ли онѣ, или нѣтъ. Дополнимъ сіе, что ког-*

ніяхъ къ подобнымъ себѣ въ дарованіи слова, побудила природу снабдить насъ легчайшими способами научиться употребленію слова. Нужда и примѣры доводятъ насъ до того, что удовлетворяемъ безчисленнымъ сего рода потребностямъ. Различіе только въ томъ, что большая изъ насъ половина остается навсегда воспитанниками одного навыка, то есть, такъ равнодушными въ разсужденіи своего слова, что никогда о немъ не думаетъ; а еще менѣе о томъ, что ихъ изъясненія часто бываютъ исполнены погрѣшностей всякаго рода. Но есть-ли, по признанію всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ и самаго разума, знать исправно и правильно свой языкъ, есть одинъ изъ первыхъ и существенныхъ предметовъ благонамѣреннаго воспитанія гражданина; то въ какой степени подлежитъ сей обязанности витія, котораго весь успѣхъ, все торжество зависитъ отъ иску-

Б

да бы человѣкъ не имѣлъ дарованія сообщать другимъ свои понятія, то для него почти все бы равно было, имѣть ихъ, или не имѣть.

ства его въ разсужденіи слова? Посредствомъ слова онъ повелѣваетъ вообраafженіемъ, сердцемъ, даже умомъ другаго. Послѣ сего излишне говорить о томъ, что сіе искуство его состоитъ не въ томъ только, чтобы сохранять вездѣ правила и свойства употребляемаго языка. Нѣтъ: онъ достигаетъ своей цѣли гораздо высшимъ и пространнѣйшимъ знаніемъ слова: онъ обращаетъ въ свою пользу все, что умъ человѣческій, который послѣ удовлетворенія необходимости обыкновенно занимается удовлетвореніемъ врожденному желанію удовольствій, давно уже открылъ въ нашемъ словѣ, чѣмъ оно вливаетъ въ душу другаго тотъ тонкій, подобный електрическому, огонь, который обьемлетъ, проницаетъ, потрясаетъ ее. Справедливо, что сей огнь не родится въ нашемъ словѣ: но оно есть проводникъ, впивающій въ себя восторгъ нашей, и переливающій его въ душу другаго, Оно паритъ вмѣстѣ съ возносящеюся мыслію; течетъ пламенною струею изъ горящаго страстію сердца; вьется подобно цвѣточнымъ сплетеніямъ, когда бываетъ языкомъ нѣжныхъ, услаждающихъ чувствованій: и съ точностію выражая что

либо величественное, изумляетъ слушающаго; изьясняяся живо и сильно, поражаетъ его чувствительность; превращаяся въ живописныя изображенія изящнаго, возхищаетъ его воображеніе. И такъ витія долженъ быть въ состояніи тѣмъ, что оно имѣетъ приятнаго, возхищать; тѣмъ, что имѣетъ величественнаго, изумлять; тѣмъ, что въ немъ есть дѣйствующее на чувствительность, трогать. Однимъ словомъ, онъ долженъ быть толь силенъ и свѣдущъ въ искуствѣ слова, что бы могъ по своей волѣ всегда разполагать и повелѣвать имъ; и пользуясь всегда приспойно, умѣренно всѣми его преимуществами, даже скрывать искусно, естьли оно имѣетъ какіе недостатки. Какихъ же можетъ онъ ожидать тогда успѣховъ, и даже какое подастъ о себѣ мнѣніе, когда просвѣщенный и внимательный читатель примѣтитъ въ его словѣ скудость, слабость, низкость, неравность, грубость употребляемаго имъ языка, который впрочемъ естественно богатъ, силенъ, высокъ, плавенъ, нѣженъ?

§ 12.

Качества слова, занимающія витію, суть исторія, правила онаго, и преимущественныя качества нѣкоторыхъ языковъ.

Двѣ показанныя обязанности витіи, то есть, знаніе правилъ и господствующихъ преимуществъ и недостатковъ употребляемаго имъ слова, гораздо обширнѣе, нежели какими онѣ кажутся съ перваго раза. Слѣдовать принятымъ отъ цѣлаго народа правиламъ довольно для всякаго благовоспитаннаго гражданина, но не довольно для посвятившаго себя словесности. Сей долженъ сквозь множество оныхъ произвольныхъ постановленій народа видѣть ихъ основанія, содержащіяся въ самомъ естествѣ человѣческаго слова; дабы на сихъ общихъ и природныхъ онаго качествахъ утверждаться въ своихъ сужденіяхъ о частныхъ и случайныхъ его свойствахъ. Что касается до отличительныхъ языка преимуществъ; то нѣтъ сомнѣнія, что ихъ познаніе пріобрѣтается долговременнымъ и благоразумнымъ чтеніемъ употреблявшихъ его лучшихъ

писателей 1) и здравыми при томъ разсужденіями. Сличеніе между собою оныхъ образцевъ при природномъ, укрѣпленномъ посредствомъ навыка, смыслѣ покажутъ со временемъ надежное средство къ безошибочнымъ умозаключеніямъ сего рода. Но и то и другое бываетъ соединено,

---

1) *То есть, превосходныхъ витій, историковъ и стихотворцевъ. Они обогатятъ примѣрами изяществъ языка, и на случай надобности будутъ служить вѣрнымъ словаремъ въ разсужденіи знаменованія, точности, соразмѣрности, сходства и противоположенія реченій, также искуства ихъ соединять, размѣщать и возвышать одно посредствомъ другаго. А безъ сего пособія упражняющійся въ словесности часто найдетъ себя не въ состояніи достаточно изобразить едва чувствительное, но судя по его намѣренію важное отличіе мысли, или чувствованія; и употребивъ слабыя, не точныя выраженія, пожертвовать нѣкоторою частію изящества и силы самой мысли, или прибѣгнуть къ иностраннымъ словамъ.*

особливо въ началѣ, съ продолжительностію и не совершеннымъ довѣріемъ къ своимъ умствованіямъ. По сей причинѣ кто хочетъ быть всегда справедливымъ, всегда рѣшительнымъ въ такихъ случаяхъ судіею: тотъ великое найдетъ для сего пособіе, когда предварительно узнаетъ самые источники какъ отличныхъ свойствъ, такъ и самыхъ правилъ человѣческаго слова; то есть, узнаетъ замѣчательныя происшествія, касающіяся произхожденія, успѣховъ, цвѣтущаго состоянія, или упадка онаго. Ограничиваяся въ семъ подвигѣ общими только умозаключеніями, выведенными изъ сличенія важнѣйшихъ измѣненій, претерпѣнныхъ однимъ языкомъ, съ таковыми же происшествіями, относящимися до другаго, третіяго, и т. д. мы узнаемъ естественный ходъ нашего слова, содержащій въ себѣ общія причины частныхъ перемѣнъ, какимъ подлежалъ каждый въ особенности языкъ; узнаемъ тѣ никогда не измѣняемыя качества всѣхъ языковъ, на коихъ утверждаются произвольныя правила каждаго изъ нихъ.

§ 13.

О произхожденіи слова.

И такъ благодѣтельное намѣреніе, съ какимъ Творецъ одарилъ насъ способностію слова, доказываетъ, что произхожденіе онаго современно началу общежитія; а исторія самыхъ древнихъ и самыхъ новѣйшихъ народовъ увѣряетъ, что успѣхи, до какихъ оно наконецъ достигаетъ, суть произведенія безчисленныхъ усилій человѣческаго ума и многихъ вѣковъ. Впрочемъ поелику всякое изображеніе имѣетъ своимъ началомъ или источникомъ изображаемую вещь; то ходъ нашего слова во всѣхъ своихъ періодахъ совершенно соразмѣренъ ходу нашихъ мыслей. А по сему какъ въ порядкѣ человѣческаго познанія, приобрѣтаемаго не искуственными средствами, то есть, не наставленіями, не чтеніемъ, и проч. но подъ руководствомъ одной природы, понятія о вещахъ дѣйствующихъ, и притомъ бываще другихъ, на наши чувства, бываютъ въ насъ прежде понятій общихъ или отвлеченныхъ; такъ рождающійся языкъ первоначально состоитъ изъ названій вещей самыхъ извѣстныхъ и наиболѣе поражающихъ

чувства, таковыхъ же ихъ свойствъ, дѣйствій, и проч. Сіи, естьли можно такъ сказать, его первенцы по большой части составляютъ коренныя реченія, или такъ называемые, корни словъ. Напротивъ сего имена существъ умственныхъ или отвлеченныхъ родятся не прежде, какъ умъ народа сдѣлается способнымъ и навычнымъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ, сличеніямъ и сужденіямъ, требующимъ нарочитаго вниманія. Не токмо любопытно, но и полезно при семъ узнать тотъ способъ, которымъ всякой народъ составлялъ коренныя своего языка слова. Правда, что отъ произволенія и согласія цѣлаго общества зависѣло назвать всякую вещь такимъ, или другимъ именемъ: однако не основательно было бы заключить, что въ семъ дѣйствовалъ всегда одинъ слѣпой случай, и что разсужденіе не имѣло въ томъ ни малаго участія. Опытъ доказываетъ, что творцамъ языковъ извѣстно было разительное сходство человѣческихъ звуковъ и звукоизмѣненій съ естественными качествами вещей 1); и что они употребивъ сіе

1) *Звуки, (изображаемые гласными буквами), въ нашемъ языкѣ въ разсуж-*

щастливое обстоятельство въ свою пользу, старались составить каждое своего языка слово изъ такихъ звуковъ, которые бы, сколько возможно, явственнѣе изображали природу и ка-

---

денїи выразительности могутъ быть раздѣлены на полные и смягченные. Первые суть: а, е, ы, о, у; и служатъ къ изображенїю всего, что важно: вторые, отвѣтствующїе первымъ: я, ѣ, и, йо, ю; и дѣлаютъ рѣчь нѣжною.

Звукоизмѣненїя, (изображаемыя согласными буквами), въ отличной степени выразительныя, принадлежащїя впрочемъ не одному нашему, но и другимъ языкамъ, суть слѣдующїя: Р изображающее яркїй и громкїй шумъ, на прим. громъ, трескъ, буря; Т и К изображающїя тупый и слитный шумъ, на прим. топотъ, стукъ; С и З выражающїя свистъ, на прим. взвились, свирѣль, звѣнѣтъ; Х, Ш и Ж нѣкоторое какъ бы шептанїе, на прим. шумитъ, жужжитъ, хохотъ: Щ, Ч и Ц нѣкоторый родъ щелканїя, на прим. щипать, досчечка, цвѣточикъ, цѣловать.

чества вещей, ихъ дѣйствій, и проч. то есть, для названія чего онѣ предопредѣляемы были, и сею выразительностію дополняли бы не достаточное отношеніе словъ къ понятіямъ, именъ къ вещамъ. 2) Отъ сего происходитъ, что творцы разныхъ языковъ, имена нѣкоторыхъ вещей составили почти изъ однихъ звуковъ и звукоизмѣненій, не имѣя безъ сомнѣнія никакаго въ семъ случаѣ между собою согласія. 3) Такія, скажутъ намъ, знаменательныя названія не трудно было изобрѣсти для вещей и явленій, поражающихъ чувства, особливо слухъ: но

---

2) *На примѣръ: что можетъ быть сходственнѣе съ природою вещей, какъ находящееся въ слѣдующихъ стихахъ изображеніе?*

Грохочетъ ехо по лѣсамъ,
Какъ громъ, гремящій по горамъ.

3) *Такъ, на прим. кокушка, на Латинскомъ языкѣ*, cuculus, *на Французскомъ*, coucou, *на Нѣмецкомъ* Kuckuck. *Такое изобразительное слово называется Греческимъ реченіемъ* onomatopeia, *что собственно значитъ составленіе имени.*

какимъ способомъ сіе могло быть въ разсужденіи тѣхъ существъ, которыя постигаются однимъ умомъ? Правда, что въ ихъ наименованіяхъ не можетъ по видимому имѣть мѣста такое искуственное подражаніе природѣ вещей: однако естьли внимательнѣе разсмотрѣть ихъ произхожденіе отъ ихъ корней, то не безъ основанія можно будетъ согласиться со мнѣніемъ нѣкоторыхъ Философовъ, что нарочитая оныхъ словъ часть ведетъ свое начало отъ именъ такихъ чувственныхъ вещей, съ коими ихъ подлинники имѣютъ сходство, которое не опустили примѣтить изобрѣтатели оныхъ реченій. Къ подтвержденію сего служитъ то, что во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ наименованія существъ постигаемыхъ умомъ часто суть не что иное, какъ имена чувственныхъ вещей, употребляемыя въ семъ случаѣ въ переносномъ смыслѣ, 4) кото-

---

4) *На примѣръ: грызеніе, изображая въ собственномъ смыслѣ дѣйствіе, подлежащее чувствамъ, употребляется также въ переносномъ разумѣ къ означенію того, что постигается однимъ умомъ, когда гово-*

рый по недостатку собственнаго речения кажется намъ часто такимъ. 5) При семъ достойно замѣчанія, что чѣмъ болѣе какой языкъ претерпѣлъ измѣненій, и слѣдственно чѣмъ болѣе удалился отъ своего первообразнаго состоянія: тѣмъ менѣе въ немъ остается слѣдовъ показаннаго словопроизхожденія. Сколько въ нынѣшнихъ языкахъ есть реченій, которыя почитаются первообразными, потому только, что потеряно понятіе о той связи, какую онѣ имѣли со своими корнями! 6) Что касается до взаим-

---

римъ, грызеніе совѣсти. Такаго же свойства слово, высокій, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: высокій слогъ, высокая цѣна.

5) *Высокомѣріе, явственно произходитъ отъ реченій знаменующихъ чувственныя вещи, но приемлемо будучи въ другомъ значеніи для изображенія извѣстнаго всѣмъ качества души, кажется собственнымъ.*

6) *Такимъ образомъ, высокій, глубокій, низкій, (въ усѣченномъ окончаніи, низокъ), почитаемыя реченіями первообразными, можетъ быть произходятъ отъ одного корня, то есть, око.*

наго сопряженія словъ, то его произхожденіе и успѣхи естественно должны быть также соразмѣрны ходу человѣческаго познанія, приобрѣтаемаго въ природномъ состояніи. Отъ перваго соединенія въ умѣ нѣсколькихъ понятій, составляющихъ въ семъ случаѣ мысль, произошло первое соединеніе нѣсколькихъ реченій, называемое выраженіемъ, phrasis: равнымъ образомъ отъ сопряженія въ умѣ нѣсколькихъ мыслей, имѣющихъ взаимное отношеніе, и составляющихъ нѣчто цѣлое, произходитъ сопряженіе нѣсколькихъ выраженій, называемое рѣчію, elocutio. Но поелику умъ человѣка, начинающаго мыслить, постигаетъ такія токмо между понятіями связи, которыя самому малому вниманію могутъ быть вразумительны; по сей причинѣ его познаніе состоитъ изъ весьма не многаго числа мыслей: а языкъ его заключаетъ также въ себѣ не большое количество выраженій; и при томъ какъ въ мысляхъ сопряженіе понятій основано на самой явственной связи вещей, такъ и въ выраженіяхъ соединеніе реченій основано на самыхъ естественныхъ и необходимыхъ измѣненіяхъ словъ; и слѣдственно чуждо тѣхъ остроумныхъ

оборотовъ рѣчи, какіе свойственны слову просвѣщеныхъ людей. Языки народовъ, открытыхъ новѣйшими мореходцами, служатъ не опровергаемымъ сего доказательствомъ.

§ 14.

О успѣхахъ слова.

Въ такомъ обыкновенно младенчествѣ съ начала бываетъ всякій языкъ вмѣстѣ съ употребляющимъ его народомъ. Но съ постепеннымъ устроеніемъ внутренняго состоянія общества постепенно возрастаетъ его слово. Являющіеся по временамъ отличные умы, разпространяя между своими современниками новыя понятія въ разсужденіи богопознанія и обрядовъ вѣры, нравовъ, правленія, законовъ, промышленности, войны, домашнихъ упражненій, и проч. тѣмъ самимъ вводятъ весьма много новаго въ ихъ языкъ. 1) Но истинные успѣхи слова на-

---

1) *Поелику въ такихъ случаяхъ не рѣдко дѣйствуетъ даже нѣкоторый родъ насилія: то часто при томъ вкрадываются въ языкъ вмѣстѣ съ рече-*

чинаются съ того токмо времени, когда здравомыслящій разумъ благовоспитанной части народа будетъ обращенъ на оное столько же, сколько и на изображаемыя имъ вещи; 2) когда о точной силѣ, о чистотѣ, о сочиненіи, и проч. реченій, будутъ судить, руководствуяся здравымъ смысломъ и Философскимъ познаніемъ языка. Изобрѣтать и разпространять

ніями, кои его обогащаютъ, странности, противныя свойствамъ онаго.

2) *Разсматриваніе вещей всегда предшествуетъ разсматриванію словъ. Народъ, пребывающій въ первобытномъ невѣжествѣ, доволенъ бываетъ токмо тѣмъ, что онъ въ состояніи сообщать другому свои малочисленныя понятія; такъ что никогда не приходитъ ему на умъ войти въ то, какъ онъ сіе дѣлаетъ. Напротивъ сего члены просвѣщеннаго общества, чувствуя нужду вникнуть въ существо своей рѣчи, удостовѣряются при первомъ, такъ сказать, своемъ шагѣ, что весь ихъ трудъ будетъ безуспѣшенъ безъ предварительнаго познанія самыхъ вещей, изображаемыхъ оною.*

знаменованіе словъ, говоритъ сочинитель разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, есть дѣло искусныхъ, знающихъ корни своего языка, и умѣющихъ производить отъ нихъ сродныя имъ отрасли. 3) Слѣдовательно важную сію перемѣну, сіе истинное совершенство слова могутъ доставить оному однѣ науки, особливо изящныя. Онѣ изощряя наши дарованія, и напрягая нашъ разсудокъ, дѣлаютъ насъ способными входить въ сущность понятій, и по сему въ точное знаменованіе изображающихъ оныя словъ. Онѣ, раздробляя первыя, умножаютъ и очищаютъ вторыя. Тогда врожденное любопытство, почерпая изъ сего источника множество новыхъ о неизвѣстныхъ дотолѣ вещахъ понятій, 4) обогащаетъ языкъ

---

3) *Въ обоихъ случаяхъ должно быть не менѣе Философомъ, сколько и Филологомъ. Примѣромъ сего можетъ быть превосходный нашихъ г. Академиковъ на Россійскій языкъ переводъ первыхъ частей естественной исторіи Бюффона.*

4) *Здѣсь должно разумѣть не однѣ тѣ понятія, которыя бываютъ выражаемы искуственными реченіями.*

равнымъ количествомъ реченій. Тогда вниманіе усматривая тѣ обстоятельства, которыми въ разныхъ случаяхъ можетъ быть сопровождаемо всякое первоначальное понятіе, 5) соединяетъ

---

5) *Такимъ образомъ съ коренымъ понятіемъ о рукѣ сливаются въ одно понятія о разныхъ стороннихъ обстоятельствахъ: 1) о обычаѣ, который наблюдается простыми людьми при обоюдномъ ихъ согласіи на какое нибудь условіе, что выражаемъ словомъ, по рукамъ; 2) иногда о дѣйствіи того, кто удостовѣряетъ заимодавца въ исправномъ платежѣ отъ его должника, что изображаемъ словомъ, ручаться; 3) иногда о такомъ положеніи вещи, въ которомъ она всегда для насъ удобна, что называемъ, подручный; 4) иногда наконецъ, разумѣя болѣе о писменномъ обязательствѣ, совокупляемъ съ понятіемъ о рукѣ начертаніе собственною, а не чужою, рукою обязующагося, выражая сіе словомъ. своеручный. Но сколько есть еще производныхъ и сложныхъ словъ, имѣющихъ тотъ же корень!*

его съ каждымъ изъ оныхъ; и такимъ образомъ одно коренное понятіе рождаетъ нѣсколько другихъ, отъ него произходящихъ, и составляющихъ какъ бы его семейство; а коренное реченіе, которымъ оно бываетъ изображаемо, вводитъ въ языкъ нѣсколько новыхъ зависящихъ отъ него словъ производныхъ. б) Наконецъ изощрен-

---

б) *Есть языки, которые не имѣютъ реченій ни сложныхъ, ни производныхъ, но однѣ коренныя, коимъ различное ихъ произношеніе, то есть, или перемѣщеніе ударенія, или то возвышеніе, то униженіе, то напряженіе, то ослабленіе голоса, сообщаетъ новое знаменованіе, въ коемъ онѣ заступаютъ мѣсто своихъ производныхъ. Но сія странность, приличная не многимъ впрочемъ языкамъ, есть совершенно произвольное, а не существенное ихъ свойство. Тотъ же самый народъ, который свои слова посредствомъ изъясненныхъ отличій въ произношеніи оныхъ дѣлаетъ производными, доказываетъ симъ обстоятельствомъ, что онъ имѣетъ такія понятія, которыя въ нашихъ языкахъ должны быть*

ный науками умъ, открывая новыя между понятіями соотношенія, составляетъ новыя сужденія, новыя мысли, которыя бываютъ источниками новыхъ выраженій. Кратко сказать, успѣхи слова всегда бываютъ въ одинаковой степени съ успѣхами народнаго просвѣщенія; и сомнительно, чтобъ Академіи словесности существовали гдѣ либо прежде Академій Наукъ.

§ 15.

О измѣненіи языковъ отъ взаимнаго народовъ сообщенія.

Такимъ обыкновенно ходомъ идетъ къ своему совершенству всякой языкъ,

---

выражены реченіями сложными, или производными. Слѣдственно всякое, естьли можно такъ сказать, первообразное понятіе въ умѣ каждаго народа, то есть естественно, бываетъ сопровождаемо различными въ разныхъ случаяхъ обстоятельствами, и сливаяся съ однимъ, или нѣсколькими изъ нихъ въ одно умоначертаніе, рождаетъ чрезъ то понятія, какъ бы производныя, и сложныя.

когда его состоянiе зависитъ токмо отъ внутреннихъ, и, такъ сказать, домашнихъ обстоятельствъ народа, у коего онъ родился и существуетъ. Но есть еще важныя измѣненiя человѣческаго слова, которыя оно претерпѣваетъ отъ внѣшнихъ или постороннихъ причинъ. Кто не знаетъ, сколько оно преображается отъ взаимнаго народовъ между собою сообщенiя посредствомъ путешествiй, торговли, кольми паче поселенiй и завоеванiй? Излишне говорить о томъ, что во всѣхъ показанныхъ случаяхъ одинъ народъ, заимствуя у другаго новыя понятiя, заимствуетъ вмѣстѣ съ ними и новыя выраженiя. Но нужно замѣтить, что сiи измѣненiя служатъ къ нѣкоторому иногда совершенству, а иногда упадку онаго, судя по тѣмъ причинамъ, которыя заставляютъ принимать въ отечественный языкъ что либо изъ иностранныхъ. Иногда происходитъ сiе отъ произвольнаго рѣшенiя, основаннаго на здравомъ разсужденiи, иногда же отъ необходимости повиноваться силѣ, или отъ слѣпаго стеченiя обстоятельствъ. Первое, на примѣръ, бываетъ тогда, когда просвѣщеннѣйшая часть народа вводитъ въ свое слово иноязычныя рече-

нія единственно по причинѣ недостатка въ немъ сознаменательныхъ и равносильныхъ, 1) и когда прочіе здравомыслящіе соотечественники, бывъ убѣждены тою же причиною, будутъ употреблять оныя вездѣ, гдѣ пристойно, 2) такъ что онѣ сдѣлаются

---

1) *Въ противномъ случаѣ множествомъ изящныхъ мыслей должны будемъ пожертвовать недостатку языка; то есть, или изказить ихъ не соотвѣтствующими имъ выраженіями, или совсемъ ихъ оставить, не имѣя способовъ изобразить ихъ въ полномъ ихъ совершенствѣ.*

2) *Вотъ вѣрное доказательство, что вводимое изъ чужаго языка слово одобряется. Но когда тотъ, кто вводитъ его, или никого, или весьма мало имѣетъ послѣдователей, заслуживающихъ довѣрія: то долженъ быть увѣренъ, что онъ или не совершенно вникнулъ въ сущность выражаемаго понятія, а еще менѣе въ знаменованіе употребленнаго имъ къ тому иностраннаго реченія, или вводитъ его безъ надобности. Къ сожалѣнію у многихъ просвѣщенныхъ народовъ въ сихъ случаяхъ часто дѣй-*

внятными не менѣе самыхъ отечественныхъ. Но и предъ сими иностранными по всей справедливости должны взять преимущество такія природныя, которыя знающими основательно и Философски свой языкъ, сообразно правиламъ и свойству онаго, будутъ или вновь изобрѣтены, или возобновлены изъ числа вышедшихъ уже изъ употребленія, естьли токмо онѣ внятно всякому будутъ изображать понятіе, выражаемое дотолѣ иностраннымъ реченіемъ. 3) И дѣйствительно безразсудно презирать свое собственное, когда оно не уступаетъ ни въ чемъ чужому. Напротивъ сего не благоразумнѣе ли и не ближе ли, въ случаѣ недостатковъ своего

ствуетъ пристрастіе къ чужестранному слову; пристрастіе, которое тѣмъ скорѣе подрываетъ и приводитъ въ забвеніе изящество природнаго языка, что оно всегда и вездѣ подобно разлившейся рѣкѣ, изпровергаетъ все.

3) *На прим. Книгопечатня вмѣсто Типографія; справщикъ вмѣсто корректоръ; лицедѣй вмѣсто актеръ; обзорище вмѣсто каланча, и проч.*

языка, прежде всего прибѣгать къ его источнику, то есть, къ тому коренному, отъ котораго онъ происходитъ. 4) Сего рода дополненія, которыя ча-

---

4) *Гораздо болѣе, нежели нынѣ, мы (Россіане) могли бы превозноситься предъ другими народами богатствомъ, величествомъ, и силою своего языка, естьли бы нѣкоторое подобное очарованію пристрастіе, такъ сказать, не приковало насъ къ иностранному, толь общему во всей Европѣ, слову, и чрезъ то не удалилобы большей части изъ насъ отъ рачительнѣйшаго познанія нашихъ собственныхъ сокровищъ, то есть, языка Славянскаго! Справедливо, что многія свойственныя ему выраженія покажутся намъ весьма странными, когда будутъ употреблены въ нынѣшнемъ нашемъ словѣ. Но кто вникнетъ безпристрастно въ знаменованіе множества Славянскихъ реченій, тотъ удостовѣрится, что онѣ могутъ сообщить нашей рѣчи несравненно болѣе изящества, нежели иностранныя, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сіи послѣднія могутъ быть достаточными къ выраженію оныхъ.*

сто можемъ находить между драгоцѣннымъ наслѣдствомъ, доставшимся

Приведемъ нѣсколько образцевъ. Что, на примѣръ, можетъ быть изобразительнѣе слѣдующихъ Славянскихъ реченій: неискусобрачный? *Сознаменательныя съ нимъ Латинское,* innuptus, *менѣе, а Французское,* garçon *еще менѣе выражаютъ. Подобно сему, что Славяне изображали однимъ словомъ,* первенецъ, *для того Римляне употребляли два* primo-genitus. *Языкъ нашихъ предковъ изобилуетъ также превосходными иносказательными словами; какъ: въ дѣлѣ твоемъ* обветшай, *или: не ими вѣры врагу твоему, и узриши, яко не до конца* оторжавѣ. *Замѣтимъ теперь нѣсколько свойственныхъ сему языку словосочиненій. Замѣтимъ вопервыхъ, сколько сильны, сколько величественны въ немъ имена прилагательныя, которыя, какъ въ нѣкоторыхъ древнихъ языкахъ, поставляются въ рѣчи во множественномъ числѣ безъ своихъ существительныхъ; равно какъ и причастія, употребленныя вмѣсто именъ теперь упомянутыхъ. На при-*

намъ отъ предковъ, безъ сомнѣнія будутъ гораздо сроднѣе нашему слову, нежели иностранныя, составленныя не рѣдко на основаніи частныхъ правилъ того языка, изъ коего онѣ будутъ взяты. Впрочемъ не о томъ говорится, что лучше терпѣть въ своемъ словѣ недостатокъ, нежели заимствовать что либо изъ иностранной рѣчи. Сіе было бы не основательное упорство, не извинительное въ случаѣ истинной необходимости, то есть, когда все стараніе, употреб-

---

мѣръ: не познанъ будетъ во благихъ *другъ, и не скрыется* въ злыхъ *врагъ. Или: да веселятся* небесная, *да радуются* земная. *Не ругайся человѣку въ горести души его: есть бо* Смиряяй и Возносяй. *Или: Клянущаго тя въ горести души своея мольбу услышитъ* Сотворивый *его. Есть такія же принадлежащія собственно языку, о которомъ говоримъ, выраженія.* Не влагайся въ среду бесѣды. *Или: Аще узриши разумна,* утренюй къ нему, и степени двери его да третъ *нога твоя. Коль живое изображеніе неоступности!*

ленное нами, чтобы словами коренна-го языка замѣнить не достающее вы-раженіе, остается безуспѣшнымъ. При всемъ томь вводимое въ отечественный языкъ иностранное, или природное, составленное по образу его, реченіе или выраженіе, должно быть такое, чтобы ни въ чемъ не было противно ни свойству, ни правиламъ той рѣчи, въ которую принимаютъ его. А по сему творцы новыхъ въ своемъ языкѣ сего рода выраженій обязаны знать его не менѣе, сколько и тотъ чужестранный, изъ коего они заимствуютъ, или коего примѣру послѣдуютъ въ составленіи новыхъ реченій. Въ противномъ случаѣ сіи подражанія будутъ образцами той погрѣшности, которая обыкновенно называется именемъ того чужаго языка, 5) коему свойственное реченіе или словосочиненіе малознающіе вводятъ въ свой собственной, не примѣчая того, что оно нарушаетъ его чистоту. Сіе чаще всего случается въ переводахъ.

---

5) *На примѣръ, Галлицизмъ, Еллинизмъ, и проч.*

§ 16.

О произхожденіи отъ одного языка разныхъ наречій и производныхъ языковъ.

Измѣненія слова, о которыхъ говорено доселѣ, произходятъ, какъ уже сказано, въ то время, когда успѣхи просвѣщенія достигнутъ до того, что не токмо вещи, но и самое изображающее ихъ слово будетъ занимать вниманіе благоразумнѣйшей части народа. Но когда ни мало о семъ не мыслятъ, ни мало не вникаютъ въ основанія и качества своего языка; тогда безъ затрудненія рѣшатся на всякую въ немъ перемѣну, и безъ размышленія употребляютъ право, въ которомъ каждый народъ тайно бываетъ увѣренъ, то есть, не токмо перемѣнять, но и вовсе оставлять ведущіяся отъ предковъ въ разсужденіи сего произвольныя постановленія. 1) Сіе бываетъ причиною многихъ весь-

---

1) *Отъ сего произошла Латинская пословица:* Usus est tyrannus verborum: *то есть, употребленіе есть самовластный повелитель словъ.*

ма странныхъ и не лѣпыхъ съ языкомъ такаго народа произходящихъ измѣненій, отъ которыхъ онъ дѣлается наконецъ, какъ говорятъ, самъ на себя не похожимъ. Употребляющій его народъ для удобнѣйшаго по его мнѣнію объясненія съ иностранцами, съ коими имѣетъ дѣло, принимаетъ изъ ихъ языковъ въ свой нужныя и не нужныя реченія, которыя со временемъ, то есть, когда сдѣланъ будетъ къ нимъ уже навыкъ, приводятъ въ забвеніе тожде значащія природныя. 2) Прибавьте, что симъ иностраннымъ реченіямъ не рѣдко даютъ окончанія, и даже сочиняютъ ихъ между собою по правиламъ своей природной рѣчи, а иногда поступаютъ также и со своими. 3) Наконецъ представимъ себѣ

---

2) *На примѣръ: авангардія вмѣсто, передовой полкъ; аррієргардія вмѣсто, сторожевой полкъ.*

3) *Сіе бываетъ иногда и у просвѣщенныхъ народовъ. Страсть Римлянъ къ языку Греческому была толь велика, что лучшіе стихотворцы своимъ природнымъ словамъ часто давали сочиненія, свойственныя помянутому языку, и тѣмъ содѣйствова-*

съ одной стороны, коль часто народъ, который вводитъ въ свой языкъ иностранныя слова, не правильно ихъ произноситъ; а съ другой, что произношеніе составляетъ такое важное въ нѣкоторыхъ случаяхъ качество, отъ коего не рѣдко зависитъ знаменованіе словъ. Вотъ общія причины, что языкъ, болѣе и болѣе удаляяся отъ первообразнаго своего вида, не чувствительно переходитъ въ иное наречіе (dialectum), и что произходящія отъ одного кореннаго, употребляемаго поколѣніями одного же народа, наречія бываютъ послѣ мало похожи не только на свой первообразный языкъ, но и одно наречіе на другое: особливо когда оныя поколѣнія, будучи раздѣлены между собою нѣкоторымъ разстояніемъ, рѣдко имѣютъ взаимное сообщеніе, напротивъ сего часто бываютъ въ связи одно съ однимъ, другое съ другимъ, и такъ далѣе, иноязычными народами, 4) Иногда симъ пре-

---

ли между прочими причинами упадку собственнаго.

4) *Очевиднымъ сему образцемъ служатъ наречія, употребляемыя разными Славянскаго произхожденія*

вращеніемъ языка въ иное нарѣчіе оканчиваются бывающія съ нимъ измѣненія; иногда же онѣ простираются до того, что наконецъ дѣлаютъ изъ него совсемъ другой новый языкъ. То и другое преобразованіе онаго зависитъ отъ количества и степени производящихъ сіе причинъ. Когда цѣлый народъ, по крайней мѣрѣ многочисленная отрасль его, поселяется между другимъ народомъ; или когда одинъ дѣлается самовластнымъ повелителемъ другаго: тогда безъ сомнѣнія умножаются взаимныя ихъ связи, а вмѣстѣ съ ними возрастаетъ и обоюдная необходимость удобно разумѣть другъ друга. Отъ сего ихъ языки нѣсколько времени бываютъ въ нѣкоторой какъ бы борбѣ, которая по большой части кончится въ пользу народа сильнѣйшаго. Безсильный принужденъ бываетъ наконецъ изъ рѣчи перваго, особливо когда употребляющіе оную будутъ при томъ его повелители, принять множество не токмо реченій, но Грамматическихъ словоизмѣненій и словосочиненій, и смѣшать ихъ съ частію своихъ соб-

---

народами, на прим. Сербами, Поляками, и проч.

ственныхъ. 5) Сей новый родъ слова иногда остается въ такомъ состояніи, что весьма не много еще не доставало, чтобъ изъ него произошелъ новый языкъ. Сіе бываетъ тогда, когда связь оныхъ народовъ будетъ прервана вдругъ какимъ нибудь важнымъ произшествіемъ. Но по большой части смѣшеніе двухъ языковъ замѣняетъ языкъ или одного, или и обоихъ говорившихъ ими народовъ. Оно называется въ семъ случаѣ языкомъ производнымъ; а тѣ, отъ которыхъ оно получило свое бытіе, первообразными или коренными. 6) Случается,

---

5) *Изъ сей общей судьбы языковъ исключается языкъ Китайцевъ, который, равно какъ и другія ихъ постановленія, остался не прикосновеннымъ, по завоеваніи Китая Манжурами.*

6) *Извѣстно, что почти всѣ нынѣшніе западной Европы языки имѣли такое произхожденіе. Подобнымъ, или еще и явственнѣйшимъ сего примѣромъ служатъ языки важнѣйшихъ Кавказскихъ народовъ. Послѣдняго столѣтія просвѣщенные путешественники, занимавшіеся сею частію обитателей земнаго шара, полагая главными тамошними языками Та-*

что сіи послѣдніе до такой степени выходятъ изъ употребленія, что сохраняются токмо въ писаніяхъ того времени, когда ими говорили, и по сему именуются мертвыми. 7) Такая почти общая и въ нѣкоторомъ разумѣ

тарскій, Черкесскій, Лезгинскій, Кистскій, Грузинскій и Осетинскій, весьма вѣроятнымъ почитаютъ, что вообще сіи языки, судя по преимущественному въ нихъ количеству Татарскихъ словъ, произходятъ отъ сего послѣдняго; при всемъ томъ большая часть изъ нихъ имѣетъ весьма много Финскихъ, Славянскихъ, Италїанскихъ, и другихъ не извѣстнаго произхожденія.

7) *Сіи мертвые языки наиболѣе сохраняются въ такихъ древнихъ твореніяхъ, которыя почитаются въ нѣкоторомъ смыслѣ священными. Такъ у Индѣйцевъ въ ихъ Санскритскихъ писанїяхъ и Ведамѣ; у Финикїанъ въ ихъ Санхонїатонѣ, у Британцевъ въ пѣсняхъ ихъ Бардовъ; у Скандинавцевъ въ твореніяхъ Исландскихъ Скальдовъ, изъ коихъ выбрана и составлена ихъ Едда.*

естественная участь 8) нашего слова явственно показываетъ, коль много къ сысканію основательнаго познанія всякаго языка должно содѣйствовать знаніе древностей и Исторія говорившаго имъ народа; какъ и обратно, сколько должны служить къ открытію важныхъ Историческихъ истиннъ, изслѣдованія касающіяся языковъ. Сіе одно можетъ открыть намъ источники такихъ употребляемыхъ въ ономъ словъ, выраженій, и даже присловій, коихъ произхожденіе сопряжено съ какимъ нибудь произшествіемъ; но, что важнѣе всего, показать время, причины и степень бывшихъ съ онымъ измѣненій. Упражняющимся же въ языкѣ производномъ кромѣ сего великимъ бываетъ пособіемъ и даже руководствомъ, а желающимъ узнать его, такъ сказать коренным образомъ, необходимостію знаніе того первообразнаго, отъ котораго онъ происходитъ.

---

8) *Поелику все, что родится, зрѣетъ и возрастаетъ до опредѣленной степени, потомъ состарѣвается и ослабѣваетъ, а наконецъ погибаетъ или умираетъ.*

§ 17.

О различіи, какое находится въ первоначальныхъ понятіяхъ разныхъ народовъ объ одной и той же вещи, и о частныхъ правилахъ языковъ.

Сія общая или Философская Исторія нашего слова показываетъ, что оно имѣетъ свои правила, и при томъ однѣ произвольныя, или частныя каждаго въ особенности, другія естественныя, или общія всѣхъ вообще языковъ. Начнемъ съ первыхъ. Чтобы видѣть ихъ основанія, представимъ себѣ, что какъ въ чертахъ лица каждаго не только народа, но и человѣка, бываетъ нѣчто особенное и отличительное: такъ во всякомъ языкѣ находится что нибудь ему одному принадлежащее. Кромѣ того что каждый народъ имѣетъ нѣкоторыя у него, такъ сказать, родившіяся понятія о тѣхъ предметахъ, которые у него токмо одного находятся: на примѣръ, родъ правительства, чиноначальства, постановленія воинскія и гражданскія, различные обряды Богослуженія, о-

собенные обычаи, 1) и проч. Понятія о сихъ, какъ бы собственность народа составляющихъ предметахъ, суть отличія, ничего существеннаго въ языкѣ не составляющія. Но у каждаго почти народа есть въ самомъ составѣ его понятій и взаимнаго оныхъ соединенія нѣкоторыя особенности. Представимъ себѣ, что нѣсколько человѣкъ смотрятъ въ одно время на одинъ огромный предметъ. Поелику никто изъ нихъ не въ состояніи объять его всего своимъ взоромъ; то одинъ видитъ только одну, другой другую, и такъ далѣе, притомъ иной самую важную, иной напротивъ малозначащую онаго часть. Подобно сему первоначально дѣйствуетъ на умы разныхъ народовъ всякій предметъ. Инаго онъ поражаетъ такимъ, другаго другимъ качествомъ; 2) и между

---

1) *Посольскій приказъ, большой полкъ, гривна, и проч.*

2) *Признать не виннымъ того, о комъ предполагаемо было, что онъ виновенъ, мы выражаемъ однимъ словомъ,* оправдать: *слѣдственно* правда *въ семъ случаѣ есть, такъ сказать, основою нашего понятія. Римляне*

тѣмъ какъ одинъ замѣтитъ въ немъ токмо одно, и хотя иногда разительное, но не существенное онаго свойство; 3) другой первоначальнымъ о немъ понятіемъ доказываетъ, что онъ при первой съ нимъ встрѣчѣ запечатлѣлъ въ своемъ умѣ нѣсколько качествъ его, составляющихъ часто сущность и отличіе онаго отъ прочихъ. 4) Отъ сего происходитъ, что понятія разныхъ народовъ объ одной и тойже вещи бываютъ различны въ

говорили absolvere, *Французы говорятъ*, absoudre. *То и другое собственно значитъ*, отвязать, дать свободу. *И такъ у нихъ главнымъ предметомъ того же понятія* свобода. *Французы употребляютъ еще въ подобныхъ случаяхъ слово*, disculper, *какъ бы отдѣлить, или удалить отъ кого* вину, *которая составляетъ тогда сущность ихъ понятія. Такое же разномысліе откроемъ по сличеніи Россійскаго слова* поединокъ, *съ Латинскимъ тоже значащимъ*, duellum, perduellum.

3) *Радуга*, arc-en-ciel, (*отсвѣтъ*.)

4) *Проливъ*, *протокъ*.

разсужденіи а) точности, (pour la justesse), или яснѣе сказать сходства съ ихъ подлинниками; 5) б) естьли можно такъ сказать, обширности, (pour l'étendue), то есть, что одно менѣе, а другое болѣе 6) объемлетъ

---

5) *Разсмотрѣвъ со вниманіемъ происхожденіе всѣмъ извѣстнаго слова,* полуостровъ, *не можно сказать, что оно точно выражаетъ свой подлинникъ: оно болѣе означаетъ такую землю, которой одна только половина есть островъ, а не то, что мы называемъ полуостровомъ. Римляне хотя также не совершенно, однако сходственнѣе съ подлинникомъ говорили* peninsula. *Французы употребляютъ для сего токмо переводъ Латинскаго слова* prequ'-île. *Но слово, островъ, почти совсемъ не имѣетъ сей точности; вмѣсто того Славянское, которое тоже значитъ, гораздо изобразительнѣе. Славяне говорили,* опокъ, *то есть, земля, которую кругомъ обтекаетъ вода.*

6) *Таково понятіе, изображаемое реченіемъ, гулъ. Сверхъ кореннаго знаменованія его, которое есть шумъ, звукъ, оно значитъ, что сей*

свойствъ своего предмета; такъ что въ послѣднемъ случаѣ содержитъ въ себѣ нѣсколько сокрытыхъ разсужденій; и на конецъ в) своего дѣйствія, (pour l'effet), служа болѣе, или менѣе къ отличенію своего предмета отъ другихъ. 7) По сей причинѣ щастливое понятіе, родившіеся у одного народа, почти всѣ прочіе нѣкоторымъ образомъ себѣ присвояютъ; и реченіе, которымъ оно выражено отъ своего изобрѣтателя, дѣлается почти общимъ всѣхъ языковъ просвѣщенныхъ народовъ: 8) подобно какъ удачное произведеніе художника бываетъ об-

---

звукъ есть движущійся, то есть, идущій отъ мѣста къ другому, предполагая въ тоже время 1) громкій звукъ, коего гулъ есть слѣдствіе; 2) отдаленность мѣста, откуда происходитъ гулъ; 3) разстояніе, кое онъ пробѣгаетъ; 4) изтощеніе его по мѣрѣ удаленія отъ своего начала; и 5) неявственность сего звука.

7) *Свѣтило, хохотъ, тепломѣръ.*

8) *Отъ сего множество Греческихъ словъ, на прим: Грамматика, Критика, Мелодія, Гармоника, вошли, и нынѣ входятъ почти во всѣ языки Европейскихъ народовъ.*

разцемъ для всѣхъ просвѣщенныхъ странъ и временъ. Но ежели въ разсужденіи понятій не могутъ быть согласны между собою народы; то какъ можно отъ нихъ ожидать единомыслія въ соединеніи оныхъ? Безъ сомнѣнія одинъ изъ нихъ усматриваетъ между приобрѣтенными имъ понятіями такія, а другой другія отношенія; иной по пылкости своего разсужденія открываетъ болѣе, другой менѣе оныхъ отношеній. А сіе причиною, что почти во всякомъ языкѣ бываютъ нѣкоторыя словоизмѣненія и словосочиненія, или выраженія цѣлой мысли, ему одному принадлежащія. 9)

---

9) *Такая, на прим. странность находится въ нашемъ языкѣ въ разсужденіи согласованія нѣкоторыхъ именъ числительныхъ съ ихъ существительными. Иныя числительныя, по существу своему означая множество, не имѣютъ числа единственнаго, но склоняяся во множественномъ, требуютъ однако, чтобы согласуемое съ ними существительное было въ единственномъ числѣ; на прим: два человѣка: иныя напротивъ сего числительныя, знаменуя множество, сами склоняются*

§ 18.

Объ общихъ правилахъ человѣческаго слова.

Такія особенности, находящіяся въ языкѣ каждаго народа, будучи приняты и наблюдаемы всѣми современниками ихъ изобрѣтенія, дѣлаются потомъ постоянными правилами для потомства. Наконецъ тщательнѣйшіе умы собираютъ и приводятъ въ нѣкоторый порядокъ сіи произвольныя своихъ соотечественниковъ постановленія, касающіяся природнаго

только въ единственномъ, а существительнаго требуютъ во множественномъ числѣ; на пр: пятью человѣками. Что касается до особливыхъ выраженій, въ которыхъ видно свойственное одному какому нибудь народу совокупленіе понятій: то для примѣра довольно токмо сихъ стиховъ:

Какъ съ протяжнымъ, тихимъ тономъ
Важно павами плывутъ:
Какъ съ веселымъ, быстрымъ звономъ
Голубками воздухъ вьютъ.

ихъ слова: и чрезъ то составляютъ особенную или частную Грамматику своего языка. Но какія бы ни были въ немъ особливости, и сколько бы онъ ихъ ни имѣлъ; есть нѣкоторые общіе всѣмъ языкамъ законы, имѣющіе основаніе не на изволеніи народовъ, но на существенныхъ и не измѣняемыхъ человѣческаго слова качествахъ, кои дѣлая оное всегда и вездѣ съ сей стороны единообразнымъ, служатъ къ тому, что люди разныхъ вѣковъ и странъ могутъ разумѣть одни другихъ; и что природный нашъ языкъ служитъ необходимымъ способомъ къ тому, чтобъ узнать какой либо иностранный, а иногда извѣстный намъ иностранный къ познанію другаго иностраннаго. Изъяснимся. Чтобы понять мысль, изображенную на извѣстномъ намъ иностранномъ языкѣ; тайно въ умѣ, а иногда и явно, выражаемъ ее на своемъ; то есть, какаго рода реченія находимъ въ первомъ, въ какомъ значеніи, измѣненіи и сочиненіи съ другими; такаго же рода, того же знаменованія, въ соотвѣтствующемъ измѣненіи и сочиненіи съ прочими представляемъ себѣ слова природнаго своего языка: однимъ словомъ, Умословныя и Грамматическія качества

чужестранной рѣчи сличаемъ съ таковымиже свойствами своей. Но при соображенiи двухъ вещей мы всегда имѣемъ въ виду третiю, съ которою въ такихъ случаяхъ сравниваемъ каждую изъ тѣхъ двухъ. Такъ, сличая между собою два количества, прилагаемъ каждое изъ нихъ къ какому нибудь опредѣленному уже и извѣстному числу. Подобно сему не возможно ни тайно, ни явно, сообразить иностранную рѣчь со своею природною, не прибѣгнувъ къ общему имъ обѣимъ образцу. И симъ посредствующимъ между ними, и служащимъ къ ихъ сличенiю способомъ бываютъ тѣ повсемѣстныя, и, естьли позволено такъ сказать, повсевременныя человѣческаго слова правила, которымъ всѣ извѣстные въ свѣтѣ языки послѣдуютъ во всемъ, кромѣ свойственныхъ каждому изъ нихъ особенностей; и кои вниманiемъ извлечены изъ множества наблюденiй и соображенiй. И вотъ какъ человѣкъ умствовалъ въ семъ случаѣ. Слова суть знаки нашихъ мыслей. Свойства означаемой вещи должны находиться въ ея изображенiи, естьли токмо оно можетъ ихъ выражать. Слѣдовательно все, что существенно и всегда принадлежитъ

нашимъ мыслямъ, должно быть существенно и непремѣнно въ нашихъ словахъ, разумѣя, сколько позволяетъ невещественность мысли въ отношеніи къ словамъ, кои суть, какъ уже сказано, нѣчто чувственное. Какія же сіи всегдашнія качества мысли? Чтобы рѣшить сей вопросъ, необходимо опять сличить ее съ предметомъ, который ее родилъ; ибо она также есть не что иное, какъ знакъ, или изображеніе онаго. Слѣдственно такія положенія вещей, въ которыхъ онѣ вездѣ бывали и бываютъ; такія взаимныя ихъ отношенія, кои онѣ вездѣ имѣли и имѣютъ; 1) бываютъ подлинниками тѣхъ принадлежностей мысли, съ коими она всегда напечат-

---

1) *На примѣръ, чувственные предметы одного рода вездѣ бываютъ одни болѣе другихъ въ разсужденіи величины: отъ сего произходятъ умалительныя и увеличительныя имена. (Модрю, сочинитель Россійской Грамматики въ Парижѣ, называетъ сіе степенями знаменованія). Есть правда языки, кои не имѣютъ, или весьма мало имѣютъ именъ сего рода; но замѣняя ихъ нѣсколькими, употребленными вмѣ-*

лѣвалася и напечатлѣвается въ умахъ людей всѣхъ странъ и вѣковъ. Справедливо, что человѣкъ въ самомъ началѣ могъ замѣтить сіи положенія токмо въ предметахъ, подлежащихъ изпытанію его чувствъ. Но вскорѣ

сто одного, реченіями, доказываютъ, что понятія о разной величинѣ вещей одного рода суть общи всѣмъ народамъ. Равнымъ образомъ всѣмъ на свѣтѣ людямъ свойственно представить себѣ предметъ или одинъ безъ присоединенія къ нему какихъ либо иногда сливаемыхъ мысленно въ одно съ нимъ обстоятельствъ, или вмѣстѣ съ какимъ нибудь изъ оныхъ; также представлять иногда одну, иногда нѣсколько вещей вдругъ: отъ чего въ первомъ случаѣ слова бываютъ или простыя, или сложныя, а во второмъ измѣняемыя части рѣчи единственнаго, или множественнаго числа. Опять, звуки человѣческіе у всѣхъ народовъ суть двухъ родовъ; одни такіе, что каждый изъ нихъ, будучи произнесенъ одинъ, явственно бываетъ слышимъ; а другіе того свойства, что ни одинъ безъ соединенія съ которымъ нибудь изъ первыхъ не можетъ, такъ сказать, чисто и яс-

потомъ началъ въ своемъ воображеніи представлять себѣ съ такимиже качествами, какія находилъ въ чувственныхъ вещахъ, и существа, постигаемыя однимъ умомъ: тѣмъ болѣе, что по недостатку словъ, какъ сказано уже выше, часто принужденъ былъ употреблять имена чувственныхъ вещей для названія умственныхъ существъ. 2) Такимъ образомъ преходя отъ словъ къ мыслямъ, а

но отпечататься въ нашемъ слухѣ. И вотъ почему всѣ народы имѣютъ гласныя и согласныя буквы, и проч.

2) *Такимъ образомъ въ подражаніе свойствамъ, которыя подлежатъ чувствамъ, и кои, какъ извѣстно, въ разныхъ бываютъ степеняхъ, воображаемъ, что и качества, постигаемыя умомъ, имѣютъ сіи степени. Обстоятельства, которыми бываютъ сопровождаемы предметы чувственные, соединяемъ въ мысляхъ съ понятіями о существахъ умственныхъ, но такъ, что реченія, коими оныя обстоятельства бываютъ выражены, въ первомъ случаѣ въ собственномъ, а во второмъ въ переносномъ бываютъ смыслѣ. На прим. жить въ домѣ, жить въ дружбѣ.*

отъ сихъ къ вещамъ, и по разсмотрѣніи послѣднихъ обратнымъ путемъ доходя до словъ, открылъ существенныя и повсемѣстныя ихъ принадлежности. Наконецъ приведши все свое познаніе о сихъ общихъ качествахъ слова въ непрерывную связь, составилъ изъ того особливую Философскую науку, которая называется всеобщею или Философскою Грамматикою.

§ 19.

Начальныя понятія о составѣ человѣческаго слова и о главнѣйшихъ измѣненіяхъ нѣкоторыхъ частей рѣчи.

Какъ главная сего сочиненія цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ оно служило нѣкоторымъ, такъ сказать, преддверіемъ словесности: то не сообразно было бы сему намѣренію какъ вовсе оставить, такъ и подробно здѣсь предлагать все, что составляетъ общую Грамматику. По чему предоставляя послѣднее Грамматикамъ — Философамъ, обозримъ по крайней мѣрѣ самыя начальныя о составѣ человѣческаго слова познанія, приобрѣтенныя Философіею съ того време-

ни, какъ оное сдѣлалось однимъ изъ ея предметовъ. И такъ давно уже замѣчено, что въ рѣчь, употребляемую человѣкомъ для изображенія цѣлой мысли, входятъ разнаго рода реченія, соотвѣтствующія различнымъ родамъ выражаемыхъ ими понятій. Сіи разныя отдѣленія реченій извѣстны всѣмъ подъ общимъ именемъ частей рѣчи. Первою изъ оныхъ почитаются, такъ называемыя, имена. Онѣ суть тѣ слова, которыя служатъ къ наименованію всякаго рода существъ, то есть, имѣющихъ какъ дѣйствительное бытіе, такъ и существующихъ въ одномъ только нашемъ умѣ. (a) По сей причинѣ новѣйшіе Грамматики раздѣляютъ ихъ на имена вещей чувственныхъ, и на имена существъ отвлеченныхъ или умствен-

---

(a) *Скажетъ можетъ быть кто нибудь, что сіе опредѣленіе относится къ однѣмъ только именамъ существительнымъ, изключая прилагательныя. Отвѣтствуемъ, что дѣйствительно такъ; потому что здѣсь прилагательныя, какъ видно будетъ ниже въ семъ же § принимаются за особливую часть рѣчи.*

ныхъ, которыя суть не что иное, какъ названія свойствъ, кои мысленно отдѣляя отъ вещей, представляемъ такъ, будто онѣ не въ вещахъ, но сами собою существуютъ. Слѣдовательно тѣ имена, которыя называемъ числительными, когда бы мы ихъ воображали безъ приложенія къ какому нибудь имени чувственной вещи, должны будутъ принадлежать такъ же къ именамъ существъ отвлеченныхъ: поелику онѣ въ семъ случаѣ означали бы такъ же качество чувственныхъ вещей, отдѣленное въ мысляхъ отъ оныхъ вещей. Когда же такое имя отвлеченнаго существа бываетъ употреблено какъ наименованіе свойства чувственной вещи, и соединено съ именемъ сей послѣдней; тогда называется словомъ прилагательнымъ, и дѣлаетъ другую часть рѣчи. Для составленія цѣлаго смысла не довольно только наименовать тѣ понятія, о которыхъ въ немъ говорится, но нужно показать при томъ всѣ отношенія, кои онѣ въ семъ случаѣ имѣютъ между собою. Остроуміе человѣческое изобрѣло легчайшій способъ выражать сіи разныя отношенія, дѣлая не большія измѣненія реченій относительно ихъ окончаній, которыя въ разсужденіи именъ называются у

грамматиковъ числами и падежами; а относительно къ словамъ прилагательнымъ, онѣ сверхъ числъ и падежей подлежатъ еще особливымъ измѣненіямъ, изображающимъ степени сравненія и роды. Но есть языки, въ которыхъ имена, а иногда слова прилагательныя, совсемъ или почти не имѣютъ сихъ измѣненій; и кои вознаграждаютъ сей недостатокъ особливою частію рѣчи, то есть членами. Члены, не означая никакой вещи, но будучи приложены къ имени, показываютъ, въ какомъ измѣненіи должно его разумѣть. Есть еще другой родъ такихъ словъ, которыя сами собою и не посредственно не означаютъ никакаго понятія или вещи, но будучи употреблены вмѣсто или имени, или слова прилагательнаго, получаютъ тогда ихъ знаменованіе; такъ же, какъ и онѣ, въ цѣлой рѣчи имѣютъ отношенія къ другимъ словамъ, и поставляются въ подобныхъ онымъ измѣненіяхъ, означаемыхъ или перемѣною ихъ окончаній, или посредствомъ членовъ. Излишне сказывать, что сіи слова суть мѣстоименія. Цѣлая рѣчь не можетъ быть составлена безъ двухъ главныхъ понятій. Вопервыхъ долженъ быть показанъ предметъ, о которомъ въ ней

предлагается; а вторыхъ то измѣненіе его положенія, которое о немъ бываетъ утверждаемо или отрицаемо. Слова, коими означаются такія измѣненія положенія предмета рѣчи, называются глаголами. Грамматики говорятъ, что глаголъ изображаетъ или дѣйствіе, или страданіе, или бытіе вещи или лица: и сіе ихъ опредѣленіе основано на естественномъ различіи тѣхъ измѣненій положенія предмета рѣчи, о которомъ мы выше упомянули. Поелику всякое измѣненіе положенія вещи или лица есть или такое, которымъ она производитъ въ другихъ вещахъ или лицахъ перемѣну ихъ положенія, и есть не что иное, какъ дѣйствіе вещи, причинившей оную: или такое, которымъ другія вещи или лица производятъ подобную перемѣну въ ней, и называется ея страданіемъ; или наконецъ такое, которое начинается и совершается въ одной вещи или лицѣ, не касаяся положенія другихъ вещей или лицъ; такъ что дѣйствующая вещь бываетъ въ одно время и страждущею. По сей причинѣ во всѣхъ языкахъ обыкновенно, и слѣдственно естественно, глаголы раздѣляются на дѣйствительные, страдательные и средніе. Что каса-

ется до другихъ залоговъ; то онѣ, находяся въ нѣкоторыхъ токмо языкахъ, составляютъ частное, а не общее, качество глаголовъ. Сверхъ сего глаголъ въ составѣ цѣлой рѣчи имѣетъ не токмо коренное свое знаменованіе, но изображаетъ еще различными своими измѣненіями 1) отношеніе означаемаго имъ понятія къ говорящему лицу; что называется лицемъ глаголовъ: 2) отношеніе того же понятія, содержащагося подъ глаголомъ, ко времени. И поелику въ нашемъ понятіи нѣтъ болѣе трехъ временъ, настоящаго, прошедшаго и будущаго; то самое естественное раздѣленіе глаголовъ съ сей стороны есть на глаголы настоящаго, прошедшаго и будущаго времени. Находящіеся во многихъ языкахъ разные роды прошедшихъ и будущихъ временъ, означая сверхъ времени другія побочныя, сопряженныя съ нимъ обстоятельства, на примѣръ, въ прошедшемъ давность или недавность, совершенное или не совершенное исполненіе дѣйствія или страданія, и проч: суть частныя произведенія тонкаго вниманія и остроумія ихъ изобрѣтателей. 3) Наконецъ всякой глаголъ своимъ измѣненіемъ кромѣ лица и времени

долженъ еще въ рѣчи показать способъ, какимъ означаемое имъ измѣненіе положенія предмета рѣчи происходитъ, то есть рѣшительно, или условно, или зависимо отъ воли и желанія того, кто говоритъ. На семъ основаны, такъ называемыя у грамматиковъ наклоненія. О наклоненіи не окончательномъ замѣтить слѣдуетъ, что хотя оно изображаетъ общее понятіе о какомъ либо измѣненіи положенія вещи или лица, но не имѣя подобнаго другимъ наклоненіямъ отношенія ни къ главному предмету рѣчи, ни къ говорящему лицу, по мнѣнію новѣйшихъ умословов, есть болѣе имя существа отвлеченнаго, имѣющее нѣкоторыя качества глагола, нежели глаголъ: по сему въ нѣкоторыхъ языкахъ явно поставляется вмѣсто имени. Глаголы имѣютъ еще такое измѣненіе, которое изображая дѣйствіе, страданіе или бытіе лица или вещи, имѣетъ видъ слова прилагательнаго; такъ что оно съ одной стороны подобно сей части рѣчи измѣняетъ свои окончанія сообразно роду, числу и падежу имени, къ которому не посредственно будетъ въ составѣ рѣчи относиться, а съ другой многія имѣетъ качества глагола, на примѣръ, залогъ,

время, и даже скрытнымъ образомъ лице въ томъ предметѣ, къ коему не посредственно относится. По чему причастія, (ибо о нихъ мы здѣсь говоримъ,) многіе почитаютъ съ зависящими отъ нихъ словами вложенною рѣчію. Дѣепричастія, которыя имѣютъ также скрытное лице, залогъ, и время, тѣмъ только различествуютъ отъ причастій, что остаются впрочемъ не измѣняемыми, и слѣдственно не бываютъ согласованы какъ прилагательныя. По сей причинѣ причастія нынѣ почитаютъ болѣе за особливое измѣненіе глагола, нежели за особливую часть рѣчи.

§ 20.

О не измѣняемыхъ частяхъ рѣчи.

Всѣ вообще доселѣ показанныя части рѣчи у грамматиковъ называются измѣняемыми; напротивъ сего нарѣчіе, предлогъ и союзъ не измѣняемыми: потому что слова, къ симъ тремъ частямъ рѣчи принадлежащія, означаютъ такія соединенныя съ понятіями обстоятельства, кои, въ разныхъ случаяхъ будучи приложены къ нимъ, служатъ или пополненіемъ ихъ

знаменованія, или объясненіемъ ихъ отношенія къ другимъ находящимся въ тойже рѣчи понятіямъ; между тѣмъ слова, коими изображены бываютъ помянутыя обстоятельства, сами никакому не подлежатъ измѣненію. Разсмотримъ каждую изъ сихъ трехъ частей рѣчи особенно. И вопервыхъ часто случаются въ составѣ рѣчи понятія, которыя такое имѣютъ отношеніе къ обстоятельствамъ разнаго рода, на примѣръ, къ мѣсту, времени, порядку, степени своего значенія, и проч. что безъ помѣщенія при нихъ сихъ обстоятельствъ теряютъ много силы и ясности своего знаменованія. Слова, коими изображаются сіи пополненія понятій, называются нарѣчіями; и тѣ изъ нихъ, которыя произходятъ отъ прилагательныхъ, удерживаютъ свойственныя симъ степени сравненія. Но часто въ составѣ рѣчи одно понятіе зависитъ отъ другаго такимъ образомъ, что обыкновенныя измѣненія зависящаго не достаточны бываютъ то выразить, естьли не будетъ поставлено предъ нимъ такое обстоятельство, которое, какъ бы вспомоществуя обыкновеннымъ его измѣненіямъ, служитъ узломъ связующимъ помянутыя два понятія. Слова, коими

въ такихъ случаяхъ бываютъ означаемы сіи обстоятельства, называются предлогами; и какъ онѣ, служа пополненіемъ взаимной связи двухъ понятій, тогда поставляются въ рѣчи отдѣленно отъ того и отъ другаго понятій, кои посредствомъ ихъ бываютъ соединяемы; то именуются отдѣляемыми. Напротивъ сего весьма часто онѣ, служа не къ соединенію двухъ между собою понятій, но къ пополненію, подобно нарѣчіямъ, знаменованія одного понятія, сливаются въ одно со словомъ изображающимъ оное, и съ нимъ вмѣстѣ составляютъ одно реченіе. Тогда онѣ называются не отдѣляемыми. Наконецъ когда рѣчь наша содержитъ въ себѣ нѣсколько разсужденій; то онѣ безъ сомнѣнія должны имѣть взаимное между собою соотношеніе. Для означенія сей связи нашихъ мыслей употребляемыя слова суть союзы. Часто союзы служатъ, кажется, къ соединенію однѣхъ токмо понятій; но естьли разсмотримъ сіи случаи внимательнѣе, то удостовѣримся, что связуемыя ими повидимому понятія въ самомъ дѣлѣ суть скрытно сложныя разсужденія. Случается, что нѣкоторыя нарѣчія бываютъ употребляемы такъ же къ означенію взаимнаго отношенія

нѣсколькихъ мыслей; и въ семъ случаѣ онѣ, исполняя цѣль, присвояютъ себѣ имя союзовъ. Остается теперь по разположенію грамматиковъ последняя, но по разсужденіямъ философовъ первая часть рѣчи, извѣстная подъ именемъ междометій. Онѣ весьма явственно отъ всѣхъ показанныхъ родовъ словъ отличаются тѣмъ, что прочія служатъ къ изображенію того, что бываетъ въ нашемъ умѣ, а междометія выражаютъ то, что происходитъ въ нашемъ сердцѣ, означая дѣйствія чувствуемыхъ нами страстей, и справедливо называются отъ нѣкоторыхъ языкомъ сердца. Первыми въ ряду частей рѣчи почитаютъ ихъ потому, что человѣкъ умѣлъ уже чувствовать, прежде нежели мыслилъ; и можетъ быть испыталъ многіе роды страстей, между тѣмъ какъ большая часть окружающихъ его вещей была ему совсемъ или весьма мало извѣстна. Съ другой стороны всѣ прочіе роды словъ одолжены своимъ бытіемъ человѣческому изобрѣтенію; но междометія суть произведенія самой природы: ибо отъ чего онѣ у всѣхъ народовъ, говорящихъ толь разными языками, почти совершенно однѣ? Отъ чего даже отъ рожденія нѣмые произ-

носятъ ихъ во время своихъ страстей. Послѣ сего довольно вразумительно, почему умословы раздѣляютъ нынѣ всѣ части рѣчи на два главныхъ класса; первый изъ нихъ называютъ они словами сердцеглаголивыми (les mots affectifs), относя къ нему однѣ междометія; а второй мыслеглаголивыми (énonciatifs), разумѣя подъ симъ всѣ прочія части рѣчи.

§ 21.

О преимущественныхъ качествахъ вообще, и особенно о богатствѣ, нѣкоторыхъ языковъ.

Наконецъ остаются особенныя качества языковъ, коими они одинъ предъ другимъ преимуществуютъ. Различныя степени совершенства, въ какихъ они бываютъ отъ случившихся съ ними произшествій, суть совсемъ другое, нежели оныя отличительныя ихъ свойства. Первыя суть нѣчто приобрѣтенное и зависящее отъ перемѣнъ, бывшихъ съ умомъ и участію народа; вторыя суть нѣчто какъ бы врожденное, и при всѣхъ измѣненіяхъ остающееся въ нихъ, по край-

ней мѣрѣ въ нѣкоторой степени. Есть, на примѣръ, языки, которые, можно сказать, рождены для изображенія почти всякихъ подробностей и отличій, какія острый умъ усматриваетъ въ нашихъ мысляхъ; иные опять естественно, кажется, предопредѣлены къ выраженію твердыхъ сужденій, мужественныхъ чувствованій, съ самою точною вѣрностію, многозначащею краткостію, и тѣмъ болѣе величественною простотою; другіе наконецъ въ самомъ составѣ своемъ имѣютъ нѣчто пріятное и нѣжное, чѣмъ плѣняя слухъ вмѣстѣ услаждаютъ душу. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ народы, у коихъ разные языки получили свое начало, при ихъ составленіи одно имѣли намѣреніе; всѣ отъ природы получили для произношенія своихъ звуковъ одинаковые члены. Но не менѣе достовѣрно и то, что преимущественныя нѣкоторыхъ изъ нихъ дарованія, господствующія нравственныя качества, и мѣстныя или частныя обстоятельства, столькоже имѣли, такъ сказать, втеченія въ ихъ слово, сколько и во всѣ другія ихъ дѣянія. Какія, скажутъ мнѣ, отличныя дарованія могутъ быть въ народѣ, который находится въ томъ почти ничтожномъ

состоянии, въ какомъ онъ бываетъ во время составленія своего языка? Тѣ, коими сама природа преимущественно предъ прочими иногда надѣляетъ его какъ бы по выбору: тѣ, которыя прежде, нежели искуство и опытность начнутъ ими руководствовать, уже въ превосходной степени оказываютъ свою естественную силу, и блистаютъ въ первыхъ нашихъ чувствованіяхъ и понятіяхъ; между тѣмъ какъ высшія способности ума, идущія въ своихъ успѣхахъ обыкновенно тихими шагами, не далеко еще находятся отъ того состоянія, въ какомъ мы получаемъ ихъ изъ рукъ природы. Пылкое остроуміе и сильное ощущеніе составляютъ оное ея благодѣяніе. Посредствомъ перваго народъ, едва начинающій мыслить, уже дѣлаетъ иногда тончайшія замѣчанія; и усматриваетъ многія, не примѣтныя другимъ, оттѣнки въ состояніи, измѣненіяхъ и взаимномъ отношеніи вещей; 1) а каждое его наблюденіе сего рода

---

1) *Такимъ образомъ естественное остроуміе первыхъ виновниковъ нашего языка усмотрѣло не только касательно свойствъ, что въ одной ихъ*

есть не что иное, какъ новое понятіе, или новой оборотъ мыслей, и слѣдственно новый източникъ изобилія слова. Поелику оныя мгновенныя и

степени сравненія бываютъ иногда нѣкоторыя оттѣни; отъ чего прилагательныя имена положительнаго и сравнительнаго степеней имѣютъ у насъ свои уменьшительныя и увеличительныя: но даже въ разсужденіи вещей, находящихся въ уменьшительномъ видѣ, что иныя изъ нихъ въ семъ состояніи намъ пріятны, иныя напротивъ сего отвратительны; а отъ сего произошли имена уменьшительныя ласкательныя и уничижительныя. Подобнымъ образомъ даръ остроумія могъ примѣтить, что есть особенный родъ вещей, которыя обыкновенно бываютъ по двѣ, напримѣръ, глаза, руки, и проч. и одно дѣятельное вниманіе могло примѣнить сіе наблюденіе и къ прочимъ обстоятельствамъ, въ коихъ случайно находятся вещи въ числѣ двухъ токмо: отъ чего въ славянскомъ языкѣ есть особливое, какъ бы посредствующее между единственнымъ и множественнымъ, двойственное чи-

не вещественныя изменения нашей души, кои называемъ понятіями и мыслями, въ одно время съ произхожденіемъ своимъ изчезали бы; когда бы мы

сло. Но коль тонкія еще различія усмотрѣны творцами нашего языка въ тѣхъ измѣненіяхъ, какія бываютъ въ дѣйствіяхъ вещей! Замѣтимъ токмо объ однѣхъ временахъ нашихъ глаголовъ. Примѣняя всякое бытіе къ своему собственному всѣ, раздѣляютъ время на настоящее, прошедшее и будущее. Первое изъ нихъ толь мгновенно, толь не раздѣлимо, что ни одинъ, сколько извѣстно, народъ не нашелъ въ немъ никакихъ частныхъ отмѣнъ; и посему оно почти у всѣхъ одно, а Евреи, которые не имѣютъ его, даже и не примѣтили онаго. Напротивъ сего въ прошедшемъ всѣмъ народамъ извѣстны два главныя его отличія, то есть давность и недавность; но наши предки нашли еще въ самой давности разныя степени, которыя мы изображаемъ тремя разными давнопрошедшими временами. Многіе также усмотрѣли то естественное различіе, что прошедшія и будущія иногда пред-

не давали имъ тотчасъ нѣкотораго постояннаго и ощутительнаго вида. По сей причинѣ таже нужда или случай, которыя, возбуждая остроуміе,

---

полагаютъ притомъ совершенное ихъ исполненіе, а иногда бываютъ безъ означенія сего обстоятельства: но въ нашемъ языкѣ видно еще тончайшее замѣчаніе, а именно что всякое дѣйствіе въ послѣднемъ изъ оныхъ двухъ случаевъ иногда бываетъ продолжительное и многократно повторяемое, а иногда совершаемое въ одинъ пріемъ: и сіи оттѣнки находятся даже въ такихъ измѣненіяхъ дѣйствія, которыя ни его лица, ни числа, ни времени не показываютъ; (ибо сіе можно впрочемъ понять изъ предъидущаго личнаго, къ которому оное дѣйствіе относится, глагола;) то есть, въ глаголахъ не окончательнаго наклоненія. Наконецъ всякое иносказательное, производное, особливо сложное реченіе есть правда произведеніе остроумнаго сличенія между собою вещей въ ихъ свойствахъ, дѣйствіяхъ, обстоятельствахъ, и проч. но первоначально замѣтить сіи сходства, несход-

въ насъ ихъ раждаютъ, убѣждаютъ насъ не останавливаяся употребить всѣ усилія изобрѣтать для изображенія оныхъ достаточныя реченія. Съ другой стороны естьли разсмотримъ внимательнѣе всякое свое размышленіе; то увидимъ, что оно есть не что иное, какъ тайный нашъ съ самими собою разговоръ, то есть сокровенное изображеніе словами нашихъ мыслей. Но когда ихъ содружество толь тѣсно, что тѣ и другія въ разсужденіи своего произхожденія не только современны, но даже нѣкоторымъ образомъ, какъ сказано выше, зависящи: то слово народа, который по причинѣ отличной остроты его ума избыточествуетъ множествомъ родившихся у него понятій, естественно должно быть изобильно не токмо реченіями, но ихъ измѣненіями и многообразными сочиненіями; а посему способно къ изображенію всякаго рода понятій, ихъ видовъ, степеней, перехожденій, взаимныхъ от-

---

ства, и другаго рода отношенія, служащія предметомъ оныхъ сужденій, есть дѣло отъ природы остраго токмо ума.

ношенiй, и основанныхъ на семъ ихъ совокупленiй и разложенiй, однимъ словомъ, самыхъ дробнѣйшихъ умоначертанiй. Рѣчь писателя, который умѣетъ симъ избыточествомъ пользоваться, подобна такому лицеподобiю, въ коемъ не опущено ничего, что есть въ подлинникѣ, и самое малое онаго отличiе означено живо, правильно. И такъ сiе изключительное нѣкоторыхъ, и притомъ свойственное имъ въ различной степени обилiе выраженiй, есть одно изъ числа естественныхъ нашего слова преимуществъ, извѣстное всѣмъ подъ именемъ богатства языка. Впрочемъ оно бываетъ иногда, и при томъ частiю прiобрѣтенное. Понятiя и мысли, родившiяся у одного народа, посредствомъ разныхъ обстоятельствъ переходятъ къ другому, который распространяя ими кругъ своихъ познанiй, въ тоже время обогащаетъ свое слово изобрѣтаемыми дла изображенiя ихъ реченiями и словосочиненiями. 2) Однако сiе прiобрѣтенiе тогда токмо

---

1) *Охрусталоваться*, *кислородъ* (oxygène,) *водотворъ* (hydrogène,) *разлагать* (analyser).

обращается въ естественное качество языка, когда оно сообразно во всемъ съ первоначальными въ немъ изобрѣтеніями и постановленіями. Въ противномъ случаѣ оно будетъ подобно части одежды другаго цвѣта, нежели какаго она вся.

§ 22.

О томъ, что называется силою языка.

Такимъ образомъ языкъ дѣлается богатымъ. Но онъ также всегда отзывается особенными нравственными качествами своихъ творцевъ. Сіи впечатлѣнія рождаются и происходятъ въ немъ почти тѣмъ же способомъ, какъ показано въ предъидущемъ §. Господствующіе нравы народа суть не что иное, какъ особенныя и сильныя его склонности, которыхъ побужденія кажутся ему правилами, основанными на не измѣняемыхъ началахъ естества. Будучи увѣренъ въ семъ, онъ почитаетъ обязанностію слѣдовать онымъ во всѣхъ какъ общественныхъ, такъ и личныхъ дѣяніяхъ; въ правленіи, въ воспитаніи, въ связяхъ съ другими народами, въ

домашней жизни, въ забавахъ, и проч. Слѣдственно сіи правила, составляя, такъ сказать, пружину его души, управляютъ его мыслями и чувствованіями, и даютъ имъ отличный нѣкоторый видъ, который по естественной ихъ связи со словами какъ бы отпечатываетея въ его языкѣ. 1) Чтобъ увѣриться въ сей истиннѣ, стоитъ только рѣчь такихъ народовъ, которые въ своихъ дѣяніяхъ управляются однѣми внушеніями природы, сличить съ господствующими въ нихъ нравственными качествами. Естественно, что сіе соотвѣтствіе бываетъ явственнѣе у тѣхъ, которые отличны нѣкоторою особенною силою и твердостію духа. Глубоко впечатлѣваемыя ощущенія, живыя и кипящія чувствованія, возвы-

---

1) Съ сею общею истинною согласно извѣстный ученому свѣту Философъ Историкъ Маллетъ говоритъ о своихъ Скандинавцахъ: сей народъ, будучи вольнымъ, не зависящимъ, гордымъ, не преминулъ сообщить своему языку свойства, сходнаго съ его собственнымъ. Введ. въ Датск. Ист. Т. I. гл. 13.

шенность и рѣшительность сужденій, отзывающаяся нѣкоторымъ повелительствомъ, особенный даръ одною мыслію обьять многія подробности; все сіе вмѣстѣ составляетъ преимущественное ихъ свойство, и все сіе вмѣстѣ видимо въ ихъ словѣ. Сообщаютъ ли они другимъ свои понятія? Ихъ изъясненія бываютъ разительны, не замысловатостію и великолѣпіемъ, но естественностію и точностію. Изливаютъ ли они свои страсти? Ихъ выраженія стремительны и пылки, но при всемъ томъ составляютъ языкъ природы, въ которомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ искуства. Предлагаютъ ли они цѣлыя мнѣнія? Ихъ рѣчь при всей выразительности кратка, при всей простотѣ величественна, при всемъ удаленіи отъ витійства повелительна; однимъ словомъ, будучи не притворнымъ, вѣрнымъ истолкователемъ души говорящаго, тѣмъ сильнѣе поражаетъ душу слушающаго. 2) Сіи въ нѣкоторомъ смыслѣ естест-

2) *Можно ли, говоритъ Волтеръ, сыскать у Плутарха въ житіяхъ великихъ мужей что либо лучше отвѣта, сказаннаго однимъ начальникомъ*

венныя преимущества слова составляютъ то, что называется силою (energia, l'énergie) языка. Она подобна тому знаменитому произведенію художника, въ которомъ одна удачно проведенная черта явственно показываетъ состоя-

---

Канадцевъ нѣкоторымъ Европейцамъ, предлагавшимъ, что бы тѣ уступили имъ свою землю? Онъ говоритъ такъ: Мы родилися на сей землѣ; наши отцы въ ней погребены: можемъ ли мы сказать ихъ костямъ: встаньте, и ступайте съ нами въ чужестранную землю. Понянутый Маллетъ, какъ бы изъясняя сіе мѣсто Волтера, говоритъ: всегда находятся удивительныя вещи въ языкахъ вольныхъ народовъ, сколько бы они впрочемъ ни были грубы и невѣжественны: они имѣютъ краткость выразительную, живые и чувствительные обороты, выраженія опредѣленныя. Введ. въ Датск. Ист. Т, 1. гл. 13.

Мы имѣемъ разительные сего образцы въ собственной словесности. На примѣръ: Скоро гонецъ возвратился изъ Пскова, и на лобномъ мѣстѣ вручилъ грамоту Степенному Посаднику. Онъ читалъ, — и съ

ніе души изображеннаго лица, и тѣмъ самимъ производитъ въ насъ нѣкоторое искреннее какъ бы сочувствованіе. Равнымъ образомъ не тогда ли мы рѣчь называемъ сильною, когда она живо изображая ощущенія того, кто ее произвелъ, проводитъ въ нашемъ умѣ или сердцѣ глубокія черты; когда она при семъ согласованіи нашей съ его душею, приводитъ насъ въ восторгъ точностію въ изображеніи предметовъ, противоположностію въ соединеніи краткости съ обширнымъ

печальнымъ видомъ отдалъ лисмо Мароѣ. Друзья! сказала она знаменитымъ гражданамъ: Псковитяне, какъ добрые братья, желаютъ Новугороду щастія; — такъ говорятъ они — только даютъ намъ совѣты, а не войско; — и какіе совѣты? ожидать всего отъ Іоанновой милости! Измѣнники! воскликнули всѣ граждане. Недостойные! повторили гости чужеземные. Отмстимъ имъ, говорилъ народъ. Презрѣніемъ! отвѣтствовала Мароа, изорвала лисмо, и на отрывкѣ его написала къ Псковитянамъ: доброму желанію не вѣримъ, совѣтомъ гнушаемся, а безъ войска вашего обойтися можемъ.

знаменованіемъ выраженій, которыя кромѣ предназначенныхъ каждому изъ нихъ понятій касаются многихъ другихъ къ онымъ относящихся, и такимъ образомъ вмѣсто одной рождаютъ въ насъ нѣсколько мыслей; и когда наконецъ въ семъ отличномъ образѣ изъясненія находимъ простоту свойственную, по крайней мѣрѣ близкую къ естественному состоянію. 3) Мы уже видѣли, что первоначальною сего причиною бываетъ особенная нѣкоторая сила и возвышенность духа, приличная иногда цѣлому народу. Изтекающая изъ сего източника, такъ сказать, разительность его

---

3) *Важная мысль, говоритъ ла Гарпъ, обыкновенно состоитъ въ томъ, когда сказано будетъ нѣчто такое, что производитъ въ насъ понятія о многомъ другомъ, и когда вдругъ показываетъ намъ то, чего мы не надѣялися узнать иначе, какъ прочитавши уже много. Естьли нужно объяснить сіе примѣромъ, то довольно вспомнить извѣстную всей Европѣ надпись, изображенную на воздвигнутомъ въ С. Петербургѣ ПЕТРУ Великому памятникѣ: ПЕТРУ Первому ЕКАТЕРИНА Вторая.*

слова остается однако и тогда, когда онъ уже выходитъ изъ подъ руководства природы; только въ семъ случаѣ искуство смѣшивается, и даже не рѣдко затьмѣваетъ ее. Иногда чрезмѣрно живыя ощущенія и сильныя потрясенія сердца находятъ и въ такомъ языкѣ, который предопредѣленъ, кажется, къ изображенію однѣхъ нѣжныхъ чувствованій, самыя рѣдкія изъясненія, употребляя въ пособіе между прочимъ то сложныя реченія, которыхъ изобиліе въ языкѣ дѣлаетъ его особенно къ тому способнымъ, то иносказательныя, но весьма живо изображающія вещь, выраженія.

§ 23.

О приятности слова, произходящей отъ качества и смѣшенія въ рѣчи буквъ.

Къ естественнымъ нашего слова преимуществамъ относится еще особенная онаго приятность и нѣжность. Она такъ же не всѣмъ вообще, но нѣкоторымъ токмо, и при томъ въ разной степени, свойственна языкамъ; такъ что кажется инымъ врожденною, отъ того что первоначальнымъ ея източникомъ бываютъ произшествія,

сопряженныя съ самымъ ихъ произхожденіемъ. Извѣстно, что мѣстныя и частныя обстоятельства народовъ, на примѣръ, воздухъ, пища, питіе, образъ жизни, воспитанія, упражненія, и проч. имѣя чувствительное вліяніе въ составъ нашего тѣла, дѣйствуютъ и на тѣ его части, которыя даны человѣку для произношенія гласа. Отъ сего произходитъ весьма разнообразное у разныхъ народовъ употребленіе членовъ, составляющихъ естественное орудіе слова; такъ что одинъ дѣйствуетъ въ семъ случаѣ гораздо удобнѣе и чаще одними, другой другими, и такъ далѣе; 1) а иногда при самомъ составленіи своего языка не чувствовавъ надобности, и слѣдственно не сдѣлавъ навыка къ нѣкоторымъ звукоизмѣненіямъ, употребляемымъ другими, остаются навсегда къ произношенію оныхъ не способными, или

---

1) Кавказскіе народы, по свидѣтельству новѣйшихъ просвѣщенныхъ путешественниковъ, всѣ вообще говорятъ горломъ; отъ чего произносимыя ими слова такое получаютъ единообразіе, что большую часть изъ нихъ не возможно изобразить употребляемыми у насъ буквами.

съ великимъ трудомъ приучить себя къ тому могутъ. Естественнымъ сего слѣдствіемъ бываетъ въ иныхъ языкахъ недостатокъ, 2) въ иныхъ избытокъ; 3) въ одномъ частое повтореніе одной, въ другомъ другой; 4) въ тѣхъ большее, въ сихъ меньшее количество сложныхъ буквъ; 5) а во всѣхъ безконечное различіе въ разсужденіи произношенія оныхъ, то есть, высшей или низшей степени напряженія, возвы-

2) *На примѣръ, у Французовъ нѣтъ буквъ ч, ы, у Нѣмцовъ ж; у Грековъ б, у Китайцевъ р, и проч.*

3) *Таковы буквы у Французовъ eu, у насъ ы; у Италіанцевъ и Индѣйцевъ дж; у Грековъ Картавое р, и шипящая ѳ. По сей причинѣ не можетъ быть во всѣхъ языкахъ одно число буквъ; но въ одномъ ихъ болѣе, а въ другомъ менѣе.*

4) *Въ Нѣмецкомъ языкѣ чаще всего слышимъ ш, а въ Италіанскомъ ч, ц.*

5) *Сложныя и двугласныя буквы, сокращая въ половину произношеніе нѣкоторыхъ звуковъ, тѣмъ самимъ дѣлаютъ его разногласнѣе, размѣрнѣе, и смягчаютъ его грубость.*

шенія, 6) а еще болѣе образованія слова. 7). Сверхъ сего въ языкахъ иныхъ народовъ слышимъ болѣе гласныхъ, 8) въ другихъ болѣе согласныхъ, и въ послѣднемъ случаѣ грубое, или нѣжное ихъ смѣшеніе; а отъ сего въ иныхъ болѣе единогласованія (monotonia,) въ другихъ напротивъ болѣе

---

6) *Отъ сего родилися знаки словоударенія* (accentus.)

7) *Въ разсужденіи сего Г. Ломоносовъ изъясняется такъ: толь многихъ народовъ, по разнымъ странамъ обитающихъ, разные языки какихъ отмѣнъ не имѣютъ! Показываютъ сіе многіе Азіатическіе, Африканскіе и Американскіе народы, которыхъ языки больше на шумъ другихъ животныхъ, нежели на человѣческій разговоръ походятъ. (Грам. Лом. стр. 6). Прибавимъ къ сему, что одинъ изъ Кавказскихъ народовъ, называющій себя Ламуромъ, имѣетъ произношеніе подобное тому, какъ бы сталъ говорить человѣкъ, у котораго во рту мѣлкіе камешки.*

8) *На примѣръ, у Сандвичевыхъ островитянъ слова состоятъ почти единственно изъ самогласныхъ.*

разнозвучія (polytonia,) и притомъ или оскорбляющаго слухъ частыми запинаніями, 9) свистаніемъ, 10) напряженіемъ и усиліемъ говорящаго, и проч. или пріятнаго какъ бы преднамѣренною разборчивостію въ сопряженіи оныхъ; такъ что отъ сего грубость одних смягчается нѣжностію другихъ, произношеніе дѣлается легкимъ, и производитъ какую то услаждающую слухъ, такъ сказать, мягкость. 11).

---

9) *Сіи запинанія обыкновенно происходятъ отъ стеченія многихъ согласныхъ, и слѣдственнно составляютъ нѣчто естественное въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ таковыя стеченія весьма часты.*

10) *Подобное сему обстоятельство было поводомъ Карлу V. сказать объ Англинскомъ языкѣ, что онъ желалъ бы на немъ говорить съ птицами.*

11) *Такая тонкая разборчивость слуха заставляла древнихъ Грековъ разныя дѣлать перемѣны съ буквами въ иностранныхъ реченіяхъ, особливо въ собственныхъ именахъ, дабы чрезъ то сдѣлать ихъ произношеніе легче и пріятнѣе. Подобнымъ образомъ ны-*

§ 24.

О томъ что называется вообще ладомъ, и въ особенности плясовымъ и мусикiйскимъ.

Самая мѣра слоговъ весьма много такъ же содѣйствуетъ къ прiятности или грубости рѣчи. Чтобъ изъяснить сiе, замѣтимъ, что намъ всегда нравятся слѣдующiя другъ за другомъ такiя измѣненiя, которыя въ разсужденiи своихъ качествъ, подлежащихъ изчисленiю, находятся въ нѣкоторомъ удобовнятномъ геометрическомъ между собою содержанiи: такъ на примѣръ въ разсужденiи времени, когда одно измѣненiе совершается въ большее, другое въ меньшее продолженiе онаго, но такъ что время, котораго требуетъ одно изъ нихъ, находится въ показанномъ содержанiи ко времени, котораго требуетъ другое. Но когда послѣ нѣсколькихъ симъ образомъ взаимно соотвѣтству-

---

нѣшнiе Италiанцы смягчаютъ произношенiе словъ Латинскихъ, составляющихъ большую часть реченiй ихъ языка. На примѣръ вмѣсто флато они говорятъ фято, вмѣсто пляценцiа, пiаченца вмѣсто квандо куандо.

ющихъ измѣненій слѣдуетъ другое ихъ отдѣленіе, подобное предъидущему во всемъ, то есть въ числѣ, количествѣ подлежащихъ изчисленію качествъ, и порядкѣ; за другимъ такое же точно третіе, и такъ далѣе, до извѣстнаго однако нѣкотораго количества: то удовольствіе, которое намъ приноситъ строго въ семъ случаѣ наблюдаемая математическая мѣра, дѣлается еще живѣе. Оно столько естественно человѣку, что пляски и пѣсни самыхъ дикихъ всегда имѣютъ сего рода размѣръ. Такой искуственной подборъ слѣдующихъ одно за другимъ измѣненій, находящихся въ геометрическомъ другъ ко другу содержаніи тѣхъ ихъ свойствъ, которыя подлежатъ изчисленію, называется ладъ 1) (le rythme, la cadence); и

---

1) *Сіе россійское слово, означая совершенно тоже, что Французское cadence, что видно изъ противозначащаго разладъ, употребляется въ семъ знаменованіи не иначе, какъ съ предлогомъ въ, на примѣръ, плясать въ ладъ, пѣть въ ладъ, подобно какъ слово разладъ, только съ предлогомъ на, на примѣръ, играть на разладѣ.*

дѣйствуетъ или на зрѣніе наше, или на слухъ. Поражающія зрѣніе измѣненія суть не что иное, какъ движенія, совершающіяся однѣ въ большее, другія въ меньшее продолженіе времени, но такъ что сіи времена находятся въ точной одно къ другому геометрической пропорціи. Поелику къ такимъ движеніямъ болѣе всего принадлежатъ тѣ, которыя составляютъ пляску и танцы; то сего рода ладъ и называется плясовымъ. Онъ тѣмъ пріятнѣе, чмѣъ больше бываетъ въ одно время движущихся: поелику въ семъ случаѣ кромѣ размѣра времени, употребляемаго на движенія, еще поражается наше зрѣніе тѣмъ единообразіемъ, что множество предметовъ въ одно время совершенно одинаковыя дѣлаютъ движенія; такъ что кажутся намъ съ сей стороны не многими, но однимъ. Сіе обстоятельство толь много участвуетъ въ пріятности сего рода, что иногда увеселяетъ насъ даже одно сіе взаимное соотвѣтствіе движущихся, хотя впрочемъ самыя ихъ движенія въ отношеніи къ употребляемому на нихъ времени почти единообразны. Таковы движенія войска, которое идетъ строемъ, дѣлаетъ разные обороты, или

мечетъ ружьемъ; таковы движенія смычковъ, которыми дѣйствуютъ вдругъ нѣсколько музыкантовъ, играющихъ одно музыкальное сочиненіе, и особливо одинъ голосъ. Измѣненія, дѣйствующія на слухъ примѣтною соразмѣрностію тѣхъ качествъ ихъ, которыя подлежатъ изчисленію, суть звуки, составляющіе музыку, или обыкновенное человѣческое слово. Качества звуковъ, на коихъ основано искуство музыки, суть: 1) что составляющіе оную звуки, хотя бы человѣческимъ голосомъ, хотя бы какими нибудь орудіями были производимы, продолжаются одни болѣе, другіе менѣе времени; но всегда сіи разномѣрныя времена содержатся одно къ другому въ опредѣленномъ нѣкоторомъ отношеніи двухъ количествъ; такъ на на примѣръ, въ такое время, въ какое совершается одинъ звукъ, бываетъ другихъ два, четыре, восемь, и проч. 2) Сверхъ сего составляющіе музыку звуки имѣютъ еще другой размѣръ, то есть, въ разсужденіи возвышенія и униженія ихъ. Отъ самаго низкаго до самаго высокаго они всегда идутъ весьма ощутительными нѣкоторыми степенями, изъ которыхъ каждая къ другой находится въ математиче-

скомъ какомъ нибудь отношенiи, (то есть въ разсужденiи мѣры ихъ возвышенiя или униженiя.) Сiи различной степени высокiе и низкiе звуки называются въ музыкѣ тонами; и то еще имѣютъ особливое, что когда два звука, то есть одинъ высокой, и другой низкой, находятся въ такомъ одинъ къ другому математическомъ, (разумѣя опять возвышенiе и униженiе,) содержанiи, которое весьма ощутительно: то какъ бы сливаются въ одинъ, и дѣлаютъ впечатлѣнiе въ слухѣ одного тона; и что каждый изъ сихъ тоновъ можетъ быть еще раздѣленъ на нѣсколько степеней возвышенiя и униженiя, которыя составляютъ то, что называется полутонами, четверть тона, и проч. 3 Каждый тонъ, полутонъ, и пр. можетъ быть произнесенъ съ различнымъ напряженiемъ орудiя, которое производитъ его, то есть, иногда громко, а иногда тихо. При чемъ достойно замѣчанiя то, что сiя громкость и тихость можетъ имѣть такъ же свои степени, а сiи опять могутъ находиться одна къ другой въ математическомъ нѣкоторомъ размѣрѣ. 4. Кромѣ сего на основанiи сходства, какое имѣютъ между собою звуки, находящiеся въ

ощутительномъ весьма другъ ко другу отношении въ разсужденіи возвышенія и униженія ихъ, могутъ быть производимы человѣческими голосами или орудіями вдругъ многіе такіе звуки, которые не взирая на ихъ множество дѣлаютъ въ слухѣ впечатлѣніе одного, кажется, тона. 5) Наконецъ звуки, производимые разными орудіями, имѣютъ различное, естьли можно сказать такъ, образованіе, соотвѣтствующее образу устроенія тѣхъ орудій, которыя ихъ производятъ; такъ что звукъ одного орудія подобенъ свисту воздуха, другаго звону, третіяго стуку падающаго тѣла, и пр. Всѣ изъясненныя качества звуковъ, производимыхъ или человѣчекимъ голосомъ или орудіями, были, какъ сказано, източникомъ искуства музыки: но самое главное оной основаніе содержится въ томъ математическомъ размѣрѣ, какой имѣютъ звуки во время ихъ произношенія въ разсужденіи какъ употребляемаго на то времени, такъ и степени возвышенія и униженія оныхъ. Въ семъ собственно состоитъ то, что называется ладомъ мусикійскимъ.

§ 25.

О ладѣ, свойственномъ человѣческому слову, и о произхожденіи стихосложенія.

Человѣческое слово такъ же имѣетъ въ себѣ нѣчто такое, что подлежитъ изчисленію. Составляющіе оное звуки (слоги) произносимы бываютъ иные въ большее, другіе въ меньшее продолженіе времени; такъ что естьли употребленное на произношеніе нѣкотораго числа, на примѣръ двухъ, трехъ, и пр. звуковъ время раздѣлить на нѣсколько равныхъ частей, (положимъ на двѣ); то между тѣмъ, какъ одинъ звукъ требуетъ одной цѣлой части, другіе два оба вмѣстѣ занимаютъ собою другую такую же часть, слѣдственно одинъ изъ сихъ двухъ послѣднихъ только половину сей части времени, на примѣръ, мӣлост̆й. Такой звукъ, который бываетъ произносимъ во столько времени, сколько онаго употребляется на произношеніе двухъ другихъ, называется долгимъ, а каждый изъ тѣхъ двухъ кроткимъ. Сіе измѣреніе въ каждомъ реченіи звуковъ (слоговъ) относительно ко времени на произношеніе ихъ употребляемому

извѣстно у насъ 1) подъ именемъ слово-ударенія. При семъ весьма естественный родится вопросъ: отъ чего про-

---

1) *Древніе подъ симъ разумѣли другое. Греческое* prosodia *и Латинское* accentus *означали такія измѣненія голоса, которыя дѣлали произношеніе похожимъ на пѣніе,* (ad cantum). *Сіе доказываютъ между прочимъ самые знаки, которыми они изображали то, въ чемъ состояло у нихъ слово-удареніе. Сихъ знаковъ у нихъ было три; а именно, такъ называвшееся у насъ удареніе острое ' употребляли они для означенія возвышенія голоса, съ какимъ должно было произнести одинъ слогъ; удареніе тяжкое \ для выраженія униженія голоса надъ другимъ звукомъ, и знакъ облеченный ^ для показанія, что одинъ звукъ должно произносить съ начала возвышеннымъ, а потомъ униженнымъ голосомъ. Напротивъ сего знаки, изображающіе долготу и краткость звуковъ были другіе, впрочемъ всѣмъ извѣстные, то есть, — ᴗ. Древній нашъ то есть, Славянскій языкъ имѣлъ тѣже самые словоударенія знаки, и безъ сомнѣнія употреблялъ ихъ съ тѣмъ же намѣреніемъ.*

изходитъ сія долгота и краткость слоговъ; тѣмъ болѣе что не рѣдко одинъ слогъ въ одномъ реченіи бываетъ долгимъ, а въ другомъ короткимъ? Въ разсужденіи сего замѣтимъ, что есть языки, въ которыхъ каждое не односложное реченіе всегда имѣетъ только одинъ долгій слогъ, и при томъ такъ что находящіеся не посредственно подлѣ него бываютъ короткіе: а напротивъ въ другихъ языкахъ иныя многосложныя слова имѣютъ одно, два, три, и болѣе, и при томъ съ ряду долгихъ слоговъ, а иныя ни одного. Изъ сего съ нѣкоторымъ основаніемъ можно заключить, что въ языкахъ перваго рода есть нѣкоторый естественный, кроющійся въ самомъ существѣ реченій, источникъ ихъ словоударенія; а въ другихъ оно произтекаетъ изъ произвольнаго на сіе согласія и постановленія. Впрочемъ на чемъ бы ни было основано словоудареніе въ разныхъ языкахъ; но то достовѣрно, что размѣрность долгихъ и кроткихъ слоговъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, ощутительна слуху нашему; а основанное на точнѣйшемъ геометрическомъ размѣрѣ отношеніе ихъ другъ ко другу, въ чемъ собственно состоитъ ладъ свойственный человѣческому сло-

ву, приятно нашему слуху. Сіе самое обстоятельство было побужденіемъ изобрѣсти средство подбирать долгіе и коротніе слоги въ рѣчи такъ, чтобы упомянутая ихъ разномѣрность и показанное отношеніе были гораздо примѣтнѣе, и слѣдственно гораздо пріятнѣе слуху. На сей конецъ начали составлять рѣчь изъ такихъ частей, изъ коихъ каждая состоитъ изъ извѣстнаго числа слоговъ опредѣленной мѣры. Всѣмъ извѣстно, что каждая сего рода искуственная часть нашей рѣчи называется стопою: и что судя по тому, изъ какаго числа и какой мѣры слоговъ будетъ состоять, имѣетъ еще другое собственное ей названіе. Когда она состоитъ изъ одного долгаго и одного короткаго слоговъ, то называется или хореемъ, на примѣръ, быстро, или ямбомъ, на примѣръ, иди; когда изъ одного долгаго и двухъ короткихъ, то или дактилемъ, на примѣръ, мыслями, или анапестомъ, на примѣръ, поклонись; когда изъ двухъ или долгихъ или короткихъ, то въ первомъ случаѣ спондеемъ, а во второмъ пиррихіемъ; 2) наконецъ иногда

---

2) *Въ россійскомъ языкѣ никогда не можетъ быть спондей, потому что*

изъ двухъ долгихъ и двухъ же короткихъ слоговъ, многообразно разполагаемыхъ; и отъ того различно называемыхъ. Изъ того, что выше сказано о произхожденіи словоударенія, явствуетъ, что хорей, ямбъ, дактиль и анапестъ могутъ быть свойственны всѣмъ языкамъ; 3) но спондей, пиррихій

въ немъ слогъ, находящійся подлѣ слога долгаго, всегда бываетъ короткій. Пиррихій же у насъ можетъ быть только въ такихъ слогахъ, которые находятся въ многосложномъ словѣ, а не въ такихъ, кои составляли бы цѣлое реченіе: поелику въ нашемъ языкѣ ни одно реченіе не можетъ быть безъ долгаго слога.

3) *Стихотворцы наши, употребляя почти обыкновенно или ямбъ, или хорей, лишаютъ, кажется, сами себя способа гораздо живѣе изображать свои намѣренія посредствомъ дактилей и анапестовъ, весьма свойственныхъ нашему языку, и способныхъ гораздо болѣе, нежели ямбъ и хорей, дать игры и выраженія слову. На примѣръ:*

Въ слѣдъ за волною волна, какъ стрѣла
за стрѣлою, стремится;
Мчится за ними корабль, сбившись
съ пути своего:

и другіе тѣмъ только изъ оныхъ, кои имѣютъ словоудареніе произвольное. Между тѣмъ должно сказать, что языкъ, который имѣетъ всѣ роды стопъ, гораздо способнѣе къ тому, чтобы самою мѣрою слоговъ живѣе изобразить въ стихотвореніи нѣкоторыя качества вещей, о которыхъ идетъ рѣчь. Стихотворцы, писавшіе на такихъ языкахъ, весьма часто и съ великимъ успѣхомъ пользовалися симъ преимуществомъ своего слова. 4) При окончаніи сихъ изъясненій о ладѣ, свойственномъ человѣческой рѣчи, остается замѣтить, что онъ не сравненно болѣе дѣйствуетъ надъ нами,

---

Хладный потъ съ лица у мореходца катится;
Кровь едва, едва движется въ жилахъ его.

4) *Есть еще особливаго рода, естьли можно такъ сказать, полуискуственное стихосложеніе, въ которомъ, не входя въ мѣру слоговъ, наблюдаютъ только въ извѣстной части слова опредѣленное оныхъ число. Оно, кажется, есть первой степени произведеніе человѣческаго искуства въ стихосложеніи. Предки наши, какъ извѣстно, писали всегда стихи сего рода.*

когда съ нимъ бываютъ соединены еще или одинъ, или и оба другіе лада, то есть мусикійской и плясовой. По сей причинѣ у древнихъ стихи всегда были пѣты и сопровождаемы пляскою.

§ 26.

О зависящей отъ качества и смѣшенія слоговъ и реченій естественной, и о произхожденіи искуственной пріятности слова.

Изъ того, что въ предъидущемъ параграфѣ сказано о свойственномъ человѣческому слову ладѣ, явствуетъ, что какъ сего утонченнаго искуства въ разсужденіи подбора и совокупленія въ рѣчи долгихъ и короткихъ слоговъ, которое мы называемъ стихосложеніемъ, такъ и того менѣе восхитительнаго, но болѣе сообразнаго съ природнымъ качествомъ нашей рѣчи, въ которомъ заключается частію естественная оной пріятность, основаніемъ и источникомъ между прочимъ есть мѣра составляющихъ ее слоговъ. Различіе только то, что они тамъ гораздо съ большимъ, здѣсь съ меньшимъ раче-

ніемъ бываютъ подобраны одни къ другимъ; и по сему происходящая отъ того ихъ разномѣрность въ различной степени поражаетъ нашъ слухъ. Въ стихосложеніи столько бываетъ на то вниманія, что отъ того рѣчь превращается въ нѣкоторой родъ музыки, такъ что употребленное въ семъ случаѣ искуство не можетъ сокрыться и отъ посредственнаго наблюденія: напротивъ сего въ рѣчи естественно пріятной ощутительно только то, что нѣтъ въ ней ни избытка долгихъ слоговъ, которые дѣлаютъ ее медленною и томною, ни изобилія короткихъ, сообщающихъ ей не обычайную быстроту и живость; но соразмѣрное тѣхъ и другихъ количество, представляя слуху переходъ то отъ скорости къ медленію, то отъ медленія къ скорости, тѣмъ самимъ производитъ въ немъ услаждающее нѣкоторое впечатлѣніе. Наконецъ какъ число и мѣра составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ пріятности нашего слова: то и самая, естьли можно сказать такъ, объятность реченій принадлежитъ къ числу причинъ оной. Длинный рядъ односложныхъ, или малосложныхъ, реченій заставляетъ, произнесши каждое изъ нихъ, останавли-

ваться, и чрезъ то дѣлаетъ рѣчь весьма часто какъ бы прерывающеюся къ неудовольствію слуха: 1) напротивъ сего нѣсколько слѣдующихъ одно за другимъ многосложныхъ словъ чрезъ мѣру продолжающимся безъ отдыха произношеніемъ, какаго требуетъ каждое такое реченіе, упомляютъ и говорящаго и слушающаго. 2) Предположивъ сіе, справедливо можно сомнѣваться, чтобы могли имѣть сего рода естественную приятность языки какъ тѣ, которыя состоятъ единственно, или по большой части, изъ реченій односложныхъ; 3) такъ и тѣ,

---

1) *На примѣръ, сколько должно имѣть остановокъ, какія обыкновенно дѣлаютъ по окончаніи каждаго слова, произнося слѣдующій стихъ:*

Что нужды въ томъ, хоть царь, хоть рабъ, кто ты ни есть.

2) *Что можетъ быть утомительнѣе произношенія сихъ словъ, покровительствуемый высокоименитою добродѣтеліею вашею?*

3) *Всѣ китайскаго языка реченія суть односложны, такъ что онѣ остаются такими даже и въ томъ случаѣ, ког-*

которые изобилуютъ многосложными. Одни посредствующіе между ними, или способные къ тому, чтобъ искусство могло въ нихъ всегда составлять рѣчь изъ разносложныхъ словъ, суть тѣ, которымъ свойственна естественная приятность слова, происходящая отъ мѣры самыхъ реченій.

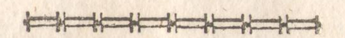
Оканчивая общее разсужденіе о врожденной нѣкоторымъ языкамъ нѣжности, не знаю, нужно ли замѣтить о томъ, что они весьма способны къ изображенію нѣжныхъ чувствованій: поелику свойственная имъ приятность, поражая слухъ, доходитъ до самой внутрености души, и приводитъ ее въ нѣкоторое какъ бы разтаяніе. Напротивъ сего языки, которые лишены сей естественной нѣжности, должны

да ихъ два употребляютъ для изображенія одной вещи. Будутъ ли онѣ написаны, или произнесены, никогда не сливаютъ ихъ въ одно слово, но бываютъ такъ раздѣлены, какъ не имѣющія между собою связи. Сибо въ опытѣ о китайскомъ языкѣ, помещенномъ въ 8 томѣ записокъ о китайцахъ.

быть, кажется, вовсе не способными къ произведенію подобныхъ очарованій. Они дѣйствительно бывають такими, естьли остаются всегда въ первобытномъ своемъ видѣ. Но чего не усовершаетъ человѣческое искуство? Коль часто оно вознаграждаетъ скупость природы возможнымъ ей подражаніемъ, основаннымъ на тончайшихъ изслѣдованіяхъ ея. Такимъ способомъ оно дополняетъ недостатокъ естественной пріятности слова правилами, извлеченными изъ философскаго разсмотрѣнія оной, и разительными того примѣрами. Сими средствами доставляемая языку плавность, или такъ называемое словотеченіе, составляетъ одинъ изъ важныхъ предметовъ витій и наставниковъ витійства.

КОНЕЦЪ

ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОБОЗРѢНІЕ

содержанія сего сочиненія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

стран.

62
[illegible] 70
72 ([illegible])
75-8 ([illegible])

[illegible] —
[illegible] 57-62